

**Владимир
КЛЕПИКОВ**

Избранное

Издательство ООО «Точка опоры»
Донецк 2010

Библиотечка серии «Творческие Студии Донбасса»

*Серия «Творческие Студии Донбасса»
основана в 2009 г. А.Б. Вороновым*

ББК 84(4УКР=Рус)6
К 48

Клепиков Владимир

К 48 Избранное: Сборник стихотворений
Д.: Изд-во ООО «Точка опоры», 2010. — 224 с.

ISBN 966-8852-04-4

В сборник талантливого поэта Донбасса Владимира Клепикова (1946-2004) вошли лучшие поэтические произведения, написанные в разные годы. Стихи наполнены душевной чистотой и благородством, мужеством и любовью к людям. Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 966-8852-04-4

- © Клепиков В.М., 2010
- © Издательство ООО «Точка опоры», 2010
- © Серия «Творческие Студии Донбасса», 2010



ВОСПОМИНАНИЯ ДРУЗЕЙ

От составителя

*Если ж ты и распят, и оболган,
да ещё и в родной стороне,
то ни сыном господним, ни Богом, —
просто братом приходишься мне.*

Владимир Клепиков

С Володей я познакомился на заседании литературного объединения осенью 1991 года. После заседания мы вышли на улицу, закурили и разговорились. По возрасту Володя был ровесником моего отца, и я, вполне закономерно спросил:

— Как Ваше отчество?

— Не обращай ко мне на «Вы» — сказал он сердито, — если не хочешь оскорбить. Просто Володя и на «ты»!

Пересиливая стеснение, я перешёл на «ты». Наша беседа была увлекательной и оживлённой, и мы решили идти домой пешком, хоть нам было и не по пути. С этого дня мы стали друзьями. Думаю, это большая редкость, когда два незнакомых человека безгранично доверяют друг другу после первой же встречи. Обычно человек начинает доверять другому только после продолжительного общения, когда для доверия уже есть причины. А Володя считал, что если он ещё ничего не знает о человеке, значит, нет причин для недоверия.

Его прямота и принципиальность, чрезмерная честность, открытость на грани наивности, бескорыстие вызывали у многих окружающих иронию или настороженность.

.....
И действительно, это ж потеха
— если кто без корысти живёт.
Вот и строят из сплетен и смеха
пьедестал для таких — эшафот.

Уже тогда, слушая его стихи и песни, я понимал, что мне посчастливилось дружить с великим человеком. А он умел дорожить дружбой, ценить её как никто другой. На праздники, в гости он приходил с гитарой и дарил новые стихи и песни, написанные специально для этого случая.

Я прошепчу тебе на ухо
(а ты пока вина налей!):
— Кабы не свёкор со свекрухой,
Не состоялся б юбилей!

И видишь, — вышло, тем не менее,
хотя Роман почти потух.
А из кастрюли от пельменей
Какой-то хулиганский дух.

Я этим духом в сердце ранен:
мне этот пар — как свет в ночи!
Давайте быстренько поздравим,
пока пельмени горячи.

.....
Благодаря Володе праздничные встречи становились ярче, веселее, торжественнее и оставляли незабываемые впечатления.

Для Клепикова самой большой трагедией в жизни была разлука с дочерью. После развода жена увезла ребёнка к себе на родину — в Тбилиси. Мучительно переживая этот удар судьбы, Володя начал писать стихи. Он посвятил поэзии всего себя — целиком. Пришлось оставить работу, обрекая себя на нищету и неустроенность быта. Но он не мог позволить себе отвлекаться на такие «мелочи». Он вообще ничего не делал «вполсилы». Его

скрупулёзность в любом, даже самом малозначительном деле иногда раздражала. Чтобы посадить саженец, в кряжистом грунте своего огорода он ломом выдалбывал яму диаметром 1,5 метра и такой же глубины, а потом тачкой возил из посадки землю в эту яму. А над стихами он трудился ещё усерднее.

Конечно же, окружающие — в том числе и родственники — не могли понять такого пренебрежительного отношения к материальной стороне жизни и всё больше отчуждались. От этого Володя чувствовал себя всё более одиноким и всё больше нуждался в моральной и материальной поддержке со стороны близких ему людей.

Не по себе мне одному
в последние два года стало —
хоть воля вольная уму,
но сердце-то не из металла.
.....

Обидно, что именно из-за нехватки средств его песни и поныне не стали достоянием общественности и до сих пор не вышли в свет его первые сборники стихов: «Кляксы крови», «Вовочка» с последней парты», «Шерше ля фам...». В 1997 году Володя попросил меня помочь ему выбрать стихи для сборника «Избранное», однако решение куда более прозаичных вопросов постоянно отодвигало во времени эти планы. Моей зарплаты не хватало для содержания семьи, и почти всё свободное время уходило на подработки, чтоб хотя бы свести концы с концами.

Шло время, стихов становилось всё больше, а работа над «Избранным» так и не продвигалась. Но Володя был непоколебимым оптимистом: год за годом, живя за чертой бедности, в противоречии с социальным устройством общества, он верил, что сможет противостоять системе, что его песни будут звучать с эстрады, а его стихи будут востребованы читателями. Именно эта вера придавала ему сил и желания творить, при этом сохранять чувство юмора и даже шутить над своими проблемами. Такую силу духа не могли сломить никакие невзгоды, но вот здоровье всё же пошатнулось.

Однажды вечером, в феврале 2000 года, Володя пришёл ко мне в мокрой одежде и рассказал, что потерял сознание прямо на ходу, а очнулся, как потом понял, примерно через полчаса. В тот вечер он напрямую заявил, что распорядиться его творческим наследием после его смерти он поручает только мне. В последующие годы Володя не раз возвращался к этой теме, а я не мог понять его настойчивости в этом вопросе. Ведь ему не было и 60, и нарастающее беспокойство о близости смерти казались мне необоснованным. К сожалению, он оказался прав.

Работать над этим сборником я начал в 2005 году — через год после его ухода. По настоятельному требованию автора в этой книге нет песен. Володя очень ревниво и трепетно относился к своим произведениям, поэтому не хотел, чтобы музыку в его песнях кто-либо изменял без его согласия.

В подготовке и издании книги оказали неоценимую помощь многие люди, которые знают и ценят творчество поэта Владимира Клепикова:

С.В. Алёшин, А.А. Беспёрстова, А.Б. Воронов, Т.И. Дадыко, В.К. Дзюба, Л.И. Ефросинина, С.И. Завертайло, Е.П. Ижик, О.А. Ищук, Е.В. Кулакова, Л.Н. Литвинова, А.Т. Постнов, Г.А. Репин, А.И. Сапрыкин, Ю.А. Селезнёва, Т.М. Сидорова, А.И. Соснов, Н.А. Татарченко, Н.Г.Татарченко, А.А. Файчак, Л.П. Фисуненко, И.М. Фулитко, Т.С. Фулитко, В.В. Чистяков.

Всем, кто, дорожа Словом, вложил в это издание своё время, труд и средства — искреннее спасибо и низкий поклон.

*Роман Ищук
2009 г.*

*«Я счастлив чуду,
происходящему во мне...»*

(памяти поэта)

Жил среди нас человек, раздражая многих нетрадиционным образом жизни и дерзостью мысли. Умер, и мы только после смерти осознали, что его недостаёт. На его похороны собрались те, к кому он был привязан в разные годы жизни. Их объединяла какая-то, не вполне объяснимая, схожесть. Он собрал нас, умерев. До этого не все были знакомы друг с другом, многие были с ним в ссоре — так иногда нестерпимо было общение с ним. А он, будто предчувствуя уход в мир иной, был особенно прямолинейным и даже вероломным, врываясь в жизнь других. Звали его Владимир Клепиков. Он оставил прекрасные стихотворения о себе и своём мировосприятии. Думаю, что его поэтическое наследие ещё ждёт широкое признание.

Однажды я попросила его помочь мне привести в порядок кухонное окно. То ли от жизни в одиночку, то ли от обилия теснящих его мыслей, он говорил беспре-рывно. Разговаривая, он сыплет стихами — о Родине-уродине, о себе, о своих мимолётных чувствах.

«Прелестный монстр! Змеиным станом,
Глазами, полными огня,
Неустрашимо, беспрестанно
Мани меня, чаруй меня!

Мне думалось, что ты забыта,
Что в реку ту не вступишь вновь,
И что в тисках смурного быта
Спокойнее струится кровь.

Мне думалось, что позабуду —
И станет легче мне вдвойне.
Но почему-то счастлив чуду,
Происходящему во мне...» —

сочинил он однажды, следуя куда-то по своим делам, и придя ко мне, срочно потребовал лист бумаги — записать, чтобы не забыть. Ну не изыск ли?

За что ни возьмётся, всё делает дотошно, кое-как ничего не умеет. «Да хватит тебе возиться!» — говорю я ему в нетерпении. Он останавливается на мгновение, будто споткнувшись, и продолжает сдирать старую краску в прежнем неторопливом темпе.

На фоне обыденной жизни он — белая ворона: нигде не трудится, не заботится о получении пенсии (хотя есть, пусть и не полный, стаж работы в шахте и позволяет возраст). Ему уже 55, а он и не чешется. Часто ругают его по этому поводу все, кому он безразличен. Он не слышит нас. Одинокий болтун («Кому-то ж надо пить и плакать!») — хотя и не бывает пьяным, но специфический запах исходит от него часто. Выпивка — стимулятор для него. У меня он тоже получает допинг маленькой рюмочкой, и стараюсь его хорошо покормить.

В конце второго дня он признаётся: «Знаешь, что плохо? Что не о ком заботиться. Не о себе — о другом. Приду к себе — всё валяется, всё в пыли, опять один... — прерывается на мгновение. Решает (в который раз): — Надо заработать денег — раз. Съездить к дочери в Тбилиси и отдать ей диск со стихами, единственное наследство от меня, — два. После моей смерти грузины на них заработают большие деньги, — смеётся. — Дочери уже 24 года. Где она — не знаю...».

Он говорил об этом не единожды и раньше, и всё чаще возвращался мыслью к дочери, которую чувствовал на расстоянии. Потом неожиданный поворот: «Знаешь, у меня неделю

не было растительного масла. Крупа была, а масла не было...». Рассказывает, как делает сок из трав, что у него на огороде: «Долго их мыть, резать. Была бы женщина, сделала бы эту работу, а я бы — мужскую: траву молоть трудно, — помолчал, прикинул. — Надо придумать резку, чтоб вот так: раз, два — и готово. Я сделал выдавливатель сока с деревянными плоскостями. Сорок отверстий пробил, представляешь?» Мне не по себе от его бытовых мытарств.

У него уникальный метод выживания, и мы стараемся ему помочь, чем можем. У многих из нас заработки, пенсии небольшие, но всё же есть. У него же — никакого дохода, только душа нараспашку. Летом продаёт свой уникальный абрикос (величиной с небольшой помидор, сладчайший и ароматный), сушит яблоки, малину на зиму — «витамины!»

Он без конца что-то мастерит. Был велосипед — унифицировал его, сделал закрытый багажник. Однажды доверчиво оставил его на несколько минут у ворот друга — украли. А с ним и все документы. И приходишь от этого всего в изумление — ну до чего непрактичный!

Отшельничество, потеря семьи, бедность и на фоне этого материального мира — непрерывное творчество мысли. Он повторил, мне кажется, судьбу многих, кто пытается пройти через дебри условностей и общественных стандартов мышления и поступков.

Об этом у него есть программное стихотворение, которым он хочет открыть предполагаемое выступление в одном из соседних городков — «Я так мало давно хочу». Я цепенею от драматизма услышанного:

— Зачем тебе сразу такое напряжённое стихотворение? Ты начни с лёгких, поиграй гранями своего творчества, посмотри, как будет принимать тебя публика, а тогда уж нагружай. Должна быть какая-то тайна...

— Вот здесь я согласен. Должна быть тайна...

Вероятно у него, как у всех творящих, есть некая мания величия, восхищение своим духовным и поэтическим ростом...

Я смотрю через чистые стекла окна со свежей покраской, и мысли мои не остывают от общения с ним. Самоуверенным в своей правде, в своих открытиях, в творчестве, достойном

высокой оценки. А сам он — хотя бы сытой жизни. Более устроенной, а не съедающей прорву времени на дотошные изобретения, добывание сока из трав, проращивание пшеницы, приготовление лепёшек на сковороде, стирки, латания сапог и т.д. — всё делает сам, приобретая уникальный способ выживания и творящий стихи и самого себя.

— Что стихи? На них не заработаешь. У меня 50 песен! Надо идти в шоу-бизнес, там за песню дают «штуку», — строит он очередной вариант добывания средств.

Сколько у него этих прожектов — не счесть! И всё верит, что получится... Но оборвалась жизнь, а с ней и мечты.

Стихи остались, да ещё какие!

Валентина Дзюба

МГНОВЕНИЯ, мгновения...

Распознать Человека в человеке мельком, на ходу или же, после недолгого общения с ним, сложно и нереально. Как, впрочем, и узнать в случайном прохожем поэта, музыканта или художника, я думаю, также с первого взгляда невозможно. Что у него за душой?! И только, пройдя через мгновения сотворчества, перешагнув через барьер формальностей и условностей, со временем открывается тот потайной ларец, в котором каждый автор хранит свои алмазы. Самое сокровенное. Боль сердца и мысли.

Тот бесценный клад аббата Фариа, перевоплощенный в золотые строки, звуки или полотна.

Встречи литературно-музыкального круга Макеевки в конце 90-х привлекали своей открытостью и раскованностью многих интересных людей. Как забыть «Большой Донбасс», другие фестивали прошлых лет, где всё располагало к сближению и творческому общению? Известно, всегда мешает регламент. Но более всего — сам дух театральности, что ли, несерьёзности происходящего на сцене официального шоу. Сближает, как раз другое, то, что происходит после фестивалей и концертов, без участия зрителей, в неформальной дружеской обстановке. На таких вот сейшенах «после боя» мне посчастливилось пообщаться с Владимиром Клепиковым, автором из Тореза, который был гостем фестиваля бардов «Гитара собирает друзей».

В нашей гитарно-графоманской среде он появлялся нечасто, но всегда был желанным и уважаемым. Как правило, Владимира приглашали в гости с намеком, зная заранее, что Клепиков усилит программу своим выступлением. И вот мы всё уже

пропели, проорали, прошептали, ...слово гостям. Выходил Владимир (он и на памятной фотографии фестиваля со своим оружием — тем самым «кинком» — зажатым в руке свитком текстов) и начинал читать. И так это артистично у него получалось, как-то мелодично и завораживающе, что всем хотелось ещё и ещё, и по их выбору. И он читал то, что просили, и «доставал», я это хорошо помню. Забываются слова, впечатления — нет. По прошествии более десяти лет очень ярко вспоминаю момент, когда из зала кто-то заказал «Танго со смертью». И он исполнил. Не прочитал а, именно, проиграл его как актер. Вдохновенно, легко и магически, как настоящий мастер сцены, с присущей Владимиру энергетикой в манере Евтушенко — уверенно и азартно. Этот концерт после концерта многим запомнился, как самое яркое авторское исполнение. Позже, уже в неформальной обстановке были и гитара, и юмор, и гражданская лирика. Такое не забывается. У таких мгновений есть одно определение: полёт. Не каждому Бог даёт крылья, эта ноша по силам только истинному таланту.

Творчество Владимира Клепикова интересно и востребовано сегодня. Видение мира и человека в этом мире, преломленное через призму личного восприятия поэта. Эмоциональность, мелодичность, иногда рубленая строгость ритма. Глубина и широта мысли, лаконичность и меткость, — всё привлекает внимание в его поэзии, волнует и заставляет задуматься. Читайте, изучайте, не соглашайтесь, но попытайтесь прочувствовать и понять.

Стихи — это сильнодействующий наркотик, который порой трудно усваивается, но долго не отпускает. Они дают пищу уму и излечивают раны душевные. Констатирую, как случайный прохожий: Клепиков — Человек-Слово, редкий и самобытный художник. В музыку его стиха надо вслушаться. Попробуйте и Владимир станет открытием для вас, а для многих начинающих авторов его творчество окажется маяком в бескрайнем море поэзии.

В добрый час!!!

Алексей Сапрыкин

Он был - Поэт

К поэзии Владимира Клепикова можно относиться по-разному. Можно принимать или не принимать философию автора, но то, что Он был настоящим Поэтом, сомнений не вызывает.

Мне посчастливилось встретиться с Ним весной 1999 года на фестивале авторской песни «Гитара собирает друзей», который был организован в ДК МИСИ, (теперь ДонГАСА), автором-исполнителем Алексеем Сапрыкиным. Тогда я впервые увидел, как Владимир читает свои стихи. Худощавый пожилой человек в классическом костюме, с интеллигентской бородкой и барской осанкой стоял на сцене и буквально гипнотизировал зрителей. Это выступление оставило о нём в моей памяти самые яркие впечатления. Он заорожил публику своей уверенностью, напором, внутренней силой, благополучием. В нём жил — Поэт!

Это я уже намного позже узнал, что оказывается, у него тоже были проблемы. Что его покинула жена и увезла с собой дочь, которую он безумно любил. И что это событие он очень тяжело переживал. У него не было стабильного дохода. У него вообще не было никакого дохода, кроме подсобного хозяйства, он всегда нуждался в средствах. Экономить приходилось на всём. Из Тореза в Макеевку или Донецк он добирался, как правило, на велосипеде. Я даже подивился такой находчивости: когда нужно было предстать перед публикой в опрятном виде, а вокруг непогода, он обычно самым аккуратным образом укладывал свой костюм и закреплял на багажнике велосипеда, и когда была необходимость, всегда мог предстать во всём своём великолепии.

На тот момент когда мы с ним познакомились, его здоровье было уже ослаблено. Он оставался оптимистом в этом вопросе, изучая и практикуя различные системы восстановления здоровья и чистки организма. Но при этом иногда любил приложиться к чарочке и дымил без перерыва дешёвыми сигаретами. А чтоб меньше курить, разрезал сигареты пополам.

Его часто не понимали близкие люди, когда речь шла о деньгах, говорили: «у Тебя же есть неполный шахтёрский стаж, доработай немного и получишь нормальную пенсию...», но он чувствовал, что ему недолго осталось и разменивать остаток жизни на зарабатывание стажа не желал, да и не для кого было. Свои последние годы жизни он целиком посвятил творчеству. Клепиков писал на всём: все его сигаретные пачки обычно были исписаны его же стихами. Он мечтал, что сумеет объединить авторов для совместного сотрудничества, и кое-что в этом направлении ему удалось. Именно с его появлением активизировалась работа Макеевского клуба авторской песни «Вертикаль». Клепиков очень серьёзно помогал молодым авторам в работе со стихами, давал необходимые советы по теории стихосложения. Но помимо созидательных качеств, Владимир имел и те, которые мешали ему осуществлять свои планы. Он был слишком уверен в своей правоте и знании и абсолютно прямолинеен в своих суждениях, чем часто отталкивал людей, имеющих иную точку зрения. И как итог — дело, начатое им, завершено не было. Наши встречи с ним проходили всё реже, а после 2001 года он и вовсе перестал бывать в Макеевке. Связь с ним прервалась.

В 2004-м году друзья мне сообщили о смерти Владимира. Его смерть застала нас врасплох и, как это нередко бывает, сплотила близких по духу людей, тех кому было безразлично его творчество.

Приятно осознавать, что с выходом этой книги стихи Клепикова дойдут до широкого круга читателей, и горько от того, что автор покинул этот мир, так и не получив признания при жизни.

Он был большим Поэтом и навсегда им останется. Не каждому дан такой дар — дар от Бога.

Андрей Соснов

*...На мне следы от всех дорог —
просвета не было ни дня.*

Владимир Клепиков

*«Если встречу со Светом раньше, пропой обо мне,
— но только обобщённо: пропой о таких, как я, — ты
сумеешь — ты сама такая».*

Это строки из письма Поэта в мае 2001 г.

Много было поэтов и Поэтов, человечество и время
короновало их или не признавало, убивало глухотой,
жестокостью, неспособностью услышать и поверить, что перед
ними — одно из немногих земных чудес. Поэты прошлого
читали со сцены свои стихи, но ни одно чтение, наверно, не
было подобно чуду, которым было авторское чтение Владимира
Михайловича Клепикова. Слушало сердце.

Читайте его Стихи, и пусть рядом звучит его Голос. Так
воскресают Поэты.

Владимир Михайлович, Вы напророчили — встретились со
Светом раньше меня. Эти строки в память о Вас:

Есть — радости не знавшие,
Есть — наобум бредущие,
Есть — без вести пропавшие,
Есть — без вести живущие.

Их — злато не тревожило,
Не райскими шли кущами,
Но — сколько! — песен сложено
Всё без вести живущими.

Юлия Селезнёва



Чорну крапку поставило небо —
 Все. До тебе тепер не дійти.
 І тобі вже ходити не треба
 У блаженським плащі самоти
 По глухих лабіринтах недолі,
 По промерзлій землі босоніж...
 З мозку вибито думку про волю,
 З серця вийнято докорів ніж.
 Як ніколи спокійний і тихий...
 Відходив, відболів, відтужив...
 Як же мрії, якими ти дихав?
 Як же справи, якими ти жив?
 Біль тамується, гояться рани,
 Тільки совість не знатиме сну
 В грішнім світі, де пестять оману
 І відштовхують правду пісну.
 Живемо безталанно, безчесно,
 Лише віра пітьму пробива:
 Ти воскреснеш, у слові воскреснеш
 Від задухи наш світ лікувать.

Людмила Єфросиніна
вересень 2004 р.

СЯПХОПВОРЕЧИЯ

Как пишутся стихи

Бросаешь вверх листок бумажный —
нетрудно это, может каждый.

Пока он, падая, кружится,
в мозгу уже строка ложится;
пока на землю упадёт,
другая строчка подойдёт.

А дальше просто — просто мелочь:
ведь смысл и ритм, и всю размерность
определили две строки —
не потеряй их! береги!

Потом возьмёшь с лица Земли
бумажный лист в Её пыли
и осторожно сдуешь пыль,
седой потрогаешь ковыль —
перо поищешь как-нибудь,
нет рядом — разрываешь грудь,
и прямо сердцем — прочь сомненья!
Не отставай от вдохновенья:
за каплей каплю на бумагу
сочи души горячей влагу.

Не сразу может получиться,
но сердцу нет нужды учиться,
оно не может ошибиться —
пиши, покуда кровь сочится!

А там, глядишь, — и вот, готово!
Сердечное, земное слово.

Февраль 1985 г.



Прилетела скворушка —
серебристо перышко
на мою скворешенку, на дубовый шест.
Замахала крылышком,
задрожала горлышком,
песнею заполнила все дворы окрест.

Звонкою, весеннею
песней пробуждения —
жемчугом осыпала утреннюю тишь.
Расчастила трелями
синеву апрелеву...
И с восторгом ласковым на нее глядишь.

С мягким восхищением
на самозабвение,
на призыв, волнующий землю и зенит...
Золотистым лучиком,
как волшебным ключиком,
к скворушкину гнёздышку солнышко блестит.

Весна 1985 г.

*Казнили Бенджамина Молоизе.
Вспомнился Хара, вспомнился никарагуанский поэт,
сказавший, что «поэтичность — это состояние души»,
вспомнились все те, кто сражается и гибнет за свободу
своих народов, хотя большинство из них не пишет стихов.*

На смерть поэта

Поэт — это очень особое слово,
чей смысл не меняется снова и снова,
чей смысл закалялся века и века,
чей смысл, как звенящая песня клинка.

Поэт — это чистая совесть народа,
и неотделимы: поэт и свобода.
Поэт — это правды народной литавры,
зовущая в светлое завтра гитара.
Поэт — это вспышка, поэт — это взлом,
поэт — это вечная схватка со злом,
поэт — это дерзких мечтаний полёт,
весенний, гранит сокрушающий лёд,
поэт — это в сердце кипящее пламя,
поэт — это руки, несущие знамя,
поэт — это сжатая мысль, как кулак,
когда в лютой злобе беснуется враг.

Поэт — это вкус испеченного хлеба,
мятежное море, бездонное небо,
бескрайним простором вспоённая речь,
усталость крестьянских опущенных плеч,
поэт — это первый сыновний шажок,
тревоги любви, бесконечность дорог,
кристальный родник в затаённой глуши,
напев соловья в предрассветной тиши.

Поэт — это радостный крик журавлей,
летающих сквозь бури к отчизне своей.
Поэт — это скрипки щемящие звуки,
поэт — это матери нежные руки.

Поэт — это боль сострадания в груди!
Поэт — когда солнце всегда впереди!
Поэт — это всё, что бывает святого!..
Поэт — это очень особое слово.

Весна 1985 г.



Кощунственной рукою грубый критик
нахально треплет мою музу за подол.

Осень 1985 г.



Я Вас дождусь и песней опою,
заворю любимыми стихами,
ошеломлю волшебными словами
и радость и печаль Вам напою.

Вы будете со мною умирать
и оживать, страдать и восхищаться,
взлетев мечтой, дождем возвращаться,
упав звездой, ромашкой воскресать.

Чудесное тепло и дивный свет,
неведомые запахи и звуки
прочтёт душа, заламывая руки
и несказанный находя ответ.

И, позабывшись, Вас обожествлю,
увидю Вас зарёй за облаками,
прекрасной феей с добрыми руками...
но не солгу — но не скажу: люблю.

Май 1986 г.



Я верю только вдохновенью,
я верю — только лишь оно
судьбе дарует провиденье,
как тьме дарует свет окно.

Пусть годы пристально проверят:
клянусь, что до последних дней
я верю, верен, буду верить
ему и совести своей.

27 мая 1986 г.



Изнемогаю, излагаю —
чем дорожил и чем дышал.
Превознести предполагаю
святую Честь на пьедестал.

Июнь 1986 г.



Кровь лозы виноградной —
сок лучистый, густой
отольётся отрадой —
остаётся отстой.
Так и жизнь — отыскрится,
перебродит вином,
утечёт, обнажится
неизведанным дном.

Вспомнишь страстные звуки
вдохновенных речей,
дружелюбные руки,
сказку милых очей;
вспомнишь шепот калины
над весенней рекой
и пером журавлиным
упадёшь...

на покой.

24 июня 1986 г.



Сон убегает прочь...
Друг почему-то молчит...
Снова ненастная ночь
в сердце тревожно стучит.

Где-то уснула мать...
Где-то страдает друг...
Матери больше не встать —
терний замкнулся круг.

Другу, наверно, невмочь...
Может — уже не друг?
Чем я могу помочь?
Тяжек ночной досуг.

Где-то блукает любовь...
Может, не ищет меня?
В мозг барабанит кровь.
Ветер стенает, кляня.

Где-то рассвет встаёт,
где-то цветут цветы
и подрастает дочь...
Стонет в окошке ночь.

1 июля 1986 г.



Прилетела — какая-то шалая,
одичалая и обветшалая,
непонятная и распростёртая,
прилепилась бумажкой истёртою,
по мозгам расплескалась загадками,
застудила догадками гадкими,
все мечты пеленою заставила
и ушла... небывало усталая...

1986 г.



Я, наверно, тебя утомляю? —
я и сам от себя устаю...
Под весёлую песню роняю
невесёлую думу мою.

За размывчивым облаком счастье
трепетало для нас по весне,
и мечты серебристые снасти
пряли сказку в несбыточном сне.

Отпылала заря золотая.
По судьбе застучали дожди...
Удалая гармошка играет
невесёлую песню в груди.

1986 г.



Придуманная, светлая моя,
ты — лишь мечты да их воспоминанье...
Пришла бы ты, пока надёжно зданье
надежды в том, что ты найдёшь меня.

Но, опустившись с облаков мечты,
да не разрушь своё очарованье
и, чтобы ни случилось в мирозданье,
не потеряй небесной чистоты.

И времени не исказить черты,
проникнутые светом состраданья.
И ты поймёшь волшебное призванье
земной обыкновенной красоты.

1986 г.



В.И. Труханову

Прошедший год стучится в дверь ко мне,
стучится в мозг и в душу снова, снова, —
с пустой сумкой на простом ремне —
а письма, письма всё же не готовы.

Пришедший день не радует меня,
и об ушедшем мне напоминая, —
на что крупницы вечного огня,
на что — он спрашивает — разменял я.

...Расположением я чьим-то пренебрёг,
на чью-то злобу не успел ответить,
бездумно чью-то нежность не сберёг,
не выдумал подарка чьим-то детям.

И чью-то ненависть я не остановил,
и чью-то муку я не поднял к небу,
кому-то в битве не добавил сил... —
всё суете никчемной на потребу.

В снегу дорожку к солнцу не прогрёб,
не покормил усталую синицу, —
спешил куда-то вброд, как бы вперёд,
бессмысленно искал в себе жар-птицу...

Лицо дочурки, как в далёком сне,
снежинкой хрупкой прилетая, тает...
И старой болью прошлогодний снег
на новый день сугробы наметает.

Я другу не напомнил о весне
и на седины не потратил слова...
И старый год стучится в дверь ко мне
стучится в мозг и в душу снова, снова.

5 января 1987 г.

Из цикла «Памяти Высоцкого»



*Чем ночь темней,
тем ярче звёзды.*
А.Н. Майков

Как далеко я улетал
в часы, когда живое спало.
Мой дух искал в теснинах скал
беды и радости начало.

И находил. Просил судьбу
о том луче искрородящем,
который высветит борьбу
меж истинным и преходящим;

просил о сказочном пере,
что на листе проспавшей рани
в причудливой, слепой игре
добра и зла расчертит грани.

И слышал я один ответ:
— За каждый слог, что будет петься,
за каждый звук — жар-птицы свет
ты мне отдашь кусочек сердца!

Но я кричал: — Перо!!! Перо —
что обронило солнце где-то!
Какое может быть добро,
какие радости без света?!

Терялся звук... Терялся слух...
Тускнели звёзды... Меркли дали...
Изнемогая, рвался дух...
Но Мысль и Чувство побеждали!

И как на бешеном скаку
спешил сказать о светлой нови,
роняя кляксы на строку,
... и это были капли крови.

17 января 1987 г.



Твои глаза сверкали днём
и дело не дошло до ночи.
Но я о них сказал бы: — Очи! —
Таких не сыщешь днём с огнём!

6 марта 1987 г.



Февраль. По огороду шёл котяра.
Не то что бы котяра — просто кот.
Но странный кот: и старый, и нестарый —
не кот, а заКОТированный код.

Не озираясь, словно горькой думой
пронизан, отрешённый от всего,
он шёл спокойно, медленно, угрюмо, —
страданье излучалось из него.

И весь — какой-то непонятной масти.
Движенье — напрямик, но наугад...
А сзади молодой, кормлёный Васька,
предмартовски взывая, набегал.

Не замедляя и не ускоряя своей стези,
тот повернул глаза —
и, страшную разгадку открывая,
на шее зазияла полоса.

Я вздрогнул: человеческие руки —
ни бог, ни черт, ни даже зверь лесной!
таким клеймом запечатлели муку
окольцевали жжёной полосой.

Хозяин ли, хозяйские соседи?
Кому-то не пришелся ко двору...
А может, человеческие дети
устроили зловещую игру?

Невероятное и жуткое он вынес
и, на беду себе, остался жить —
ненужный никому... И Васькин выплеск —
как довершенье человеческой лжи.

Он глянул долгим взглядом... Отвернулся... Опешил
Васька, пятился назад
растерянный, ошеломленно-грустный...
Какая ж сила — обречённый взгляд!

...Да — взгляд, кошачий взгляд на огороде...
И памяти глубинная слеза...
Забывать бы!..

Только в зеркале сегодня
увидел я такие же глаза.

25 марта 1987 г.



Да — бывает в душе и в квартире
хуже, чем у людей — в сортире.
Да — бывает и грязно, и грустно,
и, бывает, на полках пусто.
И не часто в кромешной ночи
зажигаются девичьи очи.
К сожаленью, всё реже бывает —
свято место мой друг посещает.
Но чего никогда не бывает —
подлецов в этот дом не пускают.

14 апреля 1987 г.



Волна накрыла пацана —
фурор по пляжу!
Обратно пятится она —
мамаша в раже.

Лететь заблудшей мелюзге —
за уши — к суше,
на золотящемся песке
торчать ракушкой,

под назидательный комфорт
сыновней доли
смотреть, как лайнер гонит в порт
чужая воля.

И он от носа до губы
развесит горе,
и все мечты и все труды:
прорваться к морю.
Как будто этот карапуз
и вправду знает,
что малолетство — главный ВУЗ, —
вся жизнь — экзамен.

Но сколько же ещё ему
снести прогнозов:
мол — распознаешь, что к чему,
да будет поздно!

И сколько пламени в крови
погасят волны
бесспорно жертвенной любви,
но... безусловной.

А вот меня иной раз шторм
вшибает в скалы,
да упрекать — с недавних пор —
уже не стали.

17 июня 1987 г.

Может, изменяю
— только я не знаю:
если что теряю
— то с какого краю?
Мне хоть так, хоть этак
— счастье за горою...

Наломаю веток
— пустоту прикрою.
Скажут: он гнездится,
может, и случится —
ради любопытства
приютится птица...

Да беда синичке
в гнёздышке пригреться —
журавлиным кличем
изнывает сердце...
Я опять уеду
за свою болью —
ты за мною следом
со своей любовью.

25 июля 1987 г.



Благодарю за интервью,
за правду, что как кол забили.
Я возвращаю, я дарю
улыбку — ту, что Вы забыли.

Я затаю, я потерплю,
я Вашу пережду усталость,
я не скажу Вам про свою —
недолго нам ещё осталось.

Я не жалею ни о чём.
В себе не нахожу упрёка.
Закономерности во всём —
и даже в этой воле рока.

Да, собственно, чего жалеть —
ведь, что прошло, не возвратится:
души моей былую цветъ
на чей-то юг умчали птицы.

Вы говорите правду мне
бесспорную — но очень поздно:
давно я осознал вполне,
что невозвратны наши вёсны.

Я интервью не запишу.
Но я любил и Вы любили...
Я до сих пор ещё дышу
улыбкой той, что Вы забыли.

7 августа 1987 г.

Афродите

С Олимпа рыкнут: — Не пиши! —
не перестану.
И на призыв твоей души,
на неустанный
не отвлекусь, не обернусь,
дорогу глядя, —
я дальше понесу свой груз,
на солнце глядя.
И только мне посилен он,
каким бы не был, —
в миру есть должность: почтальон
от сердца к небу.
И от себя мне не уйти —
не сбросить ноши,
хоть столько громов на пути
пустопорожних,
что тщатся обесцветить дни
и студят вёсны.
... А не на глиняных они
ногах, колоссы?

И как услышать этот рык —
он сердца тише?
Вот жаль, что я уже привык
тебя не слышать.
... Ты, может быть, простишь меня
перед могилой,
но и тогда мне тишина
не станет милой.
Я и тогда... пренебрегу
своей любовью —
проштемпелюю на снегу
последней кровью!
И всё-таки мечтаю я,
желаю очень,
чтоб мне тогда рука твоя
закрыла очи.

*14 августа 1987 г.
Киев*

Из цикла «Визитная карточка»

Почти по Пушкину

Меня любили и банально, и скандально,
и безалаберно, и профессионально.
Умно любили, и расчётливо, и глупо —
толкли мне душу, как блаженный воду в ступе.
Любили жертвенно, любили БЕЗНАДЕЖНО,
бывало, ИСКРЕННО, бывало, даже НЕЖНО!
Но, понимая до конца, не полюбили.
...Не то чужими стали мне, не то — любимыми.

20 августа 1987 г.



Когда простуженные ветры
беспечных напугают птиц,
раскроет напоследок лето
одну из красочных страниц.

Затеет золотое лето
кураж — из пламени мираж,
полураздето-разодето
последний выпустит тираж.

Оставшиеся из подарков
в саду заброшенном, пустом
обронит с обречённо-ярким
уже бестрепетным листом.

10 октября 1987 г.

Из цикла «Памяти Высоцкого»

Его кассета

Вы останьтесь вдвоём с самым верным и искренним другом
Вы и магнитофон — и вокруг никого, ничего.
Напрягите мозги, на душе расстегните подпругу,
помолчите чуть-чуть и включите кассету его.

Вы услышите свист одуревшей в беспмятстве пули,
восходящую мысль — ту, что воплями не заглушить.
Вы увидите лист, чистый лист, на котором проснулись
вертикальная высь, бесконечность дорог и вершин.

В каждом вздохе своём — что кликуши бы ни нагадали,
кто не пел соловьём — но всегда на конце остря,
в каждом слове своём это сердце на грань погибання,
на опасный подъём, за предел выносило себя.

Эти слёзы сквозь смех, гнев и стон надрывавшейся песни,
этот жуткий успех выпаданья из собственных жил,
этот мощный разбег, этот дикий прыжок в поднебесье —
при отсутствии тех, кто б соломки ему подстелил.

Вы услышите всё, если вы рождены, чтобы слышать.
Вы увидите свет, если светом вас не испугать.
Вы рванётесь лететь, пробивая и стены и крыши.
Обесцените смерть и по силам найдёте врага.

...Отзвенят стремена. Загремит нарастающей новью.
Отодвинет она в тень судьбы ловкача-подлеца.
Но снегов тишина — белизна, обогрëнная кровью, —
недостреленным эхом опять отзовется в сердцах.

4 декабря 1987 г.



*Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
лишь к тебе я любовь берегу...*

С. Есенин

Самый грустный поэт России —
даже в шутке бравурной боль! —
сколько слов удалых рассыпал
озорною своей судьбой,
озорною, да неудачной
и оборванной неспроста...
Только розовый конь всё скачет
с отпечатанного листа,
по страницам разлитой медью
всё звенит — бубенцы вразлёт,
и у каждого сердца медлит,
будто нам он письмо везёт —
всё о том, что синее неба
не видал ни в каком краю,
что давненько в деревне не был,
что весну расплескал свою,
что не знает, в какие ночи
нас наладит событий рок,
что росую туманит очи...

Всё предчувствовал... И не смог
поступиться высокой честью
слова красного — на крови, —
захлестнул, недопевши, песню
о сыновней своей любви.
По скрипучей декабрьской стыни
«золотую звездою в снег»
самый грустный поэт России —
«под собачий лай» и под смех.

19 декабря 1987 г.



Не берёт меня, Нина Ивановна...
К сожаленью, опять не берёт...
И к чему мне тебя-то обманывать? —
целый день не везёт: не берёт!..

Прошлый год — помнишь? — вряд ли запомнила...
Как сейчас, и тогда не брало...
Чем-то душу пронзило, как молнией, —
почему—то обмякло крыло.

Я-то — стреляный-недостреленный —
и с чего бы мне крылья ломать?..
...Мать уже померла, но уверен я —
не смогла б упрекнуть меня мать...

Понимаешь... когда долго целятся,
то не нравится даже орлам.
И сейчас не уверен я в целости...
Да и в ценности веры к богам.

Эту синь-голубень поднебесную —
ту, где смертным духовная смерть,
я пытаюсь полётом и песнею
провертеть — а потом умереть.

Но такими глухими туманами,
но такой кутерьмой облаков
бог укутан, что кажутся странными
эти песни — вовеки веков!

Всё равно не признаюсь в бессилии!
И тебе не в любви признаюсь...
Я ведь в бога не верю — бес миловал! —
верю в совесть.

...А всё-таки — грусть...

Не берёт меня, Нина Ивановна...
Хоть убейся, опять не берёт...
Я вообще не умею обманывать, —
я её изо рта — она в рот.

1987 г.



Эх, Россия, Россия весенняя!
Сколько светлой надежды посеяла!
Только не для Рубцова, Есенина.
До чего ж ты, Расея, рассеянна.

Сколько чуда себе напророчила!
Сколько к чуду по кочкам проскочено!
Только горечь, как тайна подстрочная, —
Гумилёвы твои — за обочиной.

Ни сердцам, ни умам не послушная,
потихоньку трясешь погремушками.
Не сынов отличаешь — наушников.
Век пройдёт — затоскуешь по Пушкину.

К засыпанию — от потрясения,
к облысению — от облесения...
Эх, Россия — Россия весенняя!
Только не для Рубцова, Есенина.

Декабрь 1987г.— январь 1988г.

Шахтёрская минута

Кто с недосыпа-беспросыпа,
кто с неустроенной судьбы,
а уголь как наладит сыпать —
облипнут, намокая, лбы.

Комбайн давно на ладан дышит,
конвейер — прелой бечевой,
но — битый час — лавиной пышной
течёт, шумит поток живой.

И связь по лаве не скрежещет,
друг другу душу беребя:
в ушах — ни шуточки про женщин,
и ни фольклора — про себя.

А он плывет шуршащей смутой —
спешишь, не покладая рук, —
вдруг восхищение подступит
самим собой и всем вокруг.

Хоть никого ни видно близко
в содоме пыльной темноты,
но — ощущение единства:
все то же чувствуют, что ты.

Всё жалкое перебивая,
над сердцем песнею кружит...
...Бывает редко. Но бывает.
Вот для того и стоит жить.

29 февраля 1988 г.

К спектаклю «Мы разные»



Журавли улетают куда-то на юг.
Улетают опять. Тяжело улетают,
И надежду твою на юру, на краю
заметают снега — угнетают, не тают.

Ты останься собой! Ты играйся судьбой!
«Вечный бой! А покой только снится».
...Только вновь над тобой думы виснут гурьбой,
словно в небе тоскливые птицы.

И тревоги опять ни понять, ни унять,
ни стерпеть голосов журавлиных,
и снегов не пронять, и мечты не поднять...
Ну а клин вышибается клином!

Я не вы — и, увы, под снегами молвы
крылья стынут и клики слабеют.
Только вы, только вы из заснеженной тьмы
возвращайтесь — я жду вас — быстрее.

Возвращайтесь назад — замерзает мой взгляд —
вы старайтесь — вам только б добраться!
Клином клин вышибается — я был бы рад,
если б вашим, родимые, братцы!

Я устал... Я б не стал... Я б до бога достал!
Просто нет его — этого бога, —
я б его отхлестал — сокрушил пьедестал!..
Но сейчас не об этом тревога.

Жарким летом они распинали Христа
и распяли — вовеки распяли!..
Сталь в кистях холодеет, да только с креста,
как весной пригвоздили, покуда не сняли.

Журавли улетают куда-то на юг.
Улетают опять. Тяжело улетают.
И надежду твою на юру, на краю
заметают снега — угнетают, не тают.

21 апреля 1988 г.

Друг мой Колька

Ах, война, что ты сделала, подлая!

Б. Окуджава

Там, где тень от звезды обелиска,
в стороне, над воронкой стою.
Снимок в «плексе», как солнце сквозь листья,
через годы жжёт память мою.

Он на снимке почти что подросток:
беззаботный, беспечно-простой.
Но костюмчик подогнан по росту,
кепка набок и зуб золотой...

Мы о счастье едва ли мечтали.
Не ловили мы звёзд на плечо.
Ни свинца не хватало, ни стали.
Не хватало чего-то ещё!
Не хватало, опять не хватало —
за сияньем не видно ни зги!
И слезинки берёзы усталой
тихо капали нам на мозги.

Как-то раз одному мародёру
он сказал — мол, схлопочешь меж глаз,
что протрёт, коль война не протёрла
совесть враз и «наладит в запас».
Через день они в роще схлестнулись —
тот передние выплюнул три,
что-то глухо проямлил про пулю
и добавил: — Попомнишь!.. Смотри!..

Колька только улыбкой ответил:
мол, ни холодно, ни горячо...
Бесшабашным — везенье на свете,
да везение здесь ни при чём —
он к рейхстагу не сделал ни шагу...
Мы почти что упёрлись в Урал —
тут он то, что зовётся отвагой,
популярно друзьям показал.

— Чёрт подрал, — он сказал, — осторожность!
И с чего бы мне шкуру беречь,
если вдоль по России осторожной
вместо русской — нерусская речь?
К ночи гром откатился гортанно —
он пополз — приволок «языка»,
а потом спозаранку два танка
пригвоздил на постой — на века.

Мы подспудно готовились: к цели
сквозь огонь и сквозь воду пройти.
Но Звезду прикрепить не успели
на его пропотевшей груди —
твердь заныла уныло, постыло,
солнце стыло в грохочущей мгле, —
под шумок пуля хряснула с тыла —
Колька вздрогнул уже на земле.

Тут атаку накрыли в «антракте»
из тяжёлых стволов за леском:
...По лощине... По горке... По тракту...
Дальше — ближе... — В него — напрямик!!!
...Кто-то прыгнул в воронку...
я — к кромке:
там — знакомый щербатый оскал...
Я не ждал — прямо тут же в воронке
кишки сразу на штык намотал.

И пошла голова моя кругом:
я не слышал, не видел огня —
я искал...

Но нашёл только руку —
ту, что дважды спасала меня...
Колька, Колька! Не сделано сколько!
Как без Кольки мне жить — не пойму...
Я зарыл эту руку с осколком,
прикрепивши на горло тому.
Безвозвратно, неостановимо
мы пошли — мы сумели пойти!
Я подаренный мне фотоснимок
дал парнишке годков десяти.
— Не забылась бы, не изменилась, —
попросил огольца я того, —
эта пядь, где ущербная низость
уложила дружка моего...

Мы расплату за тяжкую плату
донесли до чужой нам реки.
Медсанбаты... Палаты... Заплаты...
Но живой!.. Хоть и сам без руки.
...Притягательно и обречённо
зуб на снимке блестит золотой...
Как додумался этот мальчонка?
Я ему благодарен за то,
благодарен — что след не растаял
и за то, что не там обелиск!
Эту страшную, грозную тайну
мы вдвоём от людей сберегли.

...Над священной ложбинкой — поминки.
На осине — перо журавля...
Для чего ж под улыбчивым снимком
кем-то свежеразрыта земля?..

10 мая 1988 г.



Пролетала горлинка — краем, низко.
Обронила пёрышко клёну в крону.
Зароптали было былое листья —
отсвистали крылышки дальним стоном.

А перо играет вечерним светом.
А лучи звучат недопетой песней.
Если бы ещё умудрилось лето
где-то до рассвета ту песню пестовать...

Но ветра студёнее, злее свисты.
По долине дымом — тумана плесень.
Отряхает клён на дорогу листья,
отряхает с листьями вместе песню.

Отряхает листья, а ветви — к небу.
Осень моросит, застилая просинь.
Он стоит — воздет, словно зелен не был, —
всё ещё чего-то у неба просит.

19 мая 1988 г.

Демисезонное

Мухи сонные падают на пол,
полквартиры не преодолев.
Таракан «электричку» облапал,
как мороз отсыревший обапол,
и прилип к ней, и заиндевел.

Солнце, под вечер хмуро потупясь,
на стекле обесценило пыль.
Тусклый ящик, на стуле ссутулясь,
проповедует мудрую глупость —
о которой скучаем не мы ль?

Подоткнувши крестец одеялом,
отогрею дыханьем стило
и, пока с потолка не упало
вечной жизни кривое забрало,
я стихи напишу про тепло.

Я придумаю песню такую —
расцвету чёрно-белые сны! —
про пьянящий пожар поцелуя —
что кукушка зимой затокует! —
как мы жаждем с прилипшим весны.

11 сентября 1988 г.



Чем молния ярче,
тем тени зловещей
и тем необычной
привычные вещи.

Чем больше энергии
тратит мгновенье,
тем больше инертны мы
от ослепленья.

11 сентября 1988 г.



Мне нет пути. И нет отхода.
Ни вопль, ни стоны не в чести.
Но слово горькое «свобода»
я в общий гам смогу вплести.

Мне не помог чистюля-случай
к удачливой прильнуть волне —
и у береговых излучин
я не учился кривизне.

И потому я неудобен
ни в торжествах и ни в быту —
никак меня не уподобить
тем, кто готовил крест Христу.

Вы счастьем сплочены, а значит —
вы неудачники, увы, —
рождённый болью звук назначен
будить сердца, трясти умы.

Нерастранжиренное имя
нельзя вам отдавать на суд —
ведь на Ваганьково другие
и по сей день цветы несут.

... Мне нет пути. И нет отхода.
Свистит и жжёт судьбины плеть.
Ну что ж! Мы нищими у входа
псалмы свободе будем петь.

10 ноября 1988 г.

*Да простит мне читающий
вольное обращение со сказанным
Львом Николаевичем Толстым.*

Памяти Лермонтова

Толстой сказал: «Когда бы ЭТОТ
сумел дожить до лет моих,
не нужно было бы ни фетов,
ни Достоевских, ни Толстых...»

Но хватит всякому дебилов —
не дописал... И — не прочесть.
А скажут, что его убила
его же собственная честь:

— Зачем звенел чеканным словом?
Зачем обиды не терпел?
Чего добился? Гляньте — сломан!
Забвение — его удел!..

Кто сломан, штатные кликуши?
То ваших глаз огонь потух!
Не слышал вас да и не слушал —
сломали жизнь, — не сломлен дух.

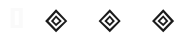
Могучей силы отголоски
в душе народа моего:
да — Байрон, Лермонтов... Высоцкий!
...Замордовали и его.

Всесозерцающим был Пушкин —
но глубоко он прятал мысль...
И что теперь? Он стал кормушкой —
не ваши слезы пролились!

Не нужно вам таких поэтов —
не дотянуться вам до них —
убили вы в себе и фетов,
и Достоевских, и Толстых!

Честь не в чести — чего ж вам больше?!..
...Но зажигается алмаз,
а с ним и солнце, через толщи
в зеницах непокорных глаз.

26 декабря 1988 г.



Чистый лист... Как судьба... Как дорога...
Как простор удивившихся глаз...
Да судьбе той осталось немного —
всё спешила куда-то, неслась...

Чистый лист... Время косит и косит
колоски, что повыше торчат.
Чистый лист... Приближается осень —
без отцов, без детей, без внучат.

Чистый лист... Вдохновенные звуки
вышней музыки... Стоны в бреду...
Боль минувшего... Новые муки,
что придут — несомненно придут...

Чистый лист, ты — оковы и плети!..
И окошко в житейской тюрьме...
Как маняще-болезненно светит!
Как звенит поднебесная медь!

Чистый лист... Бесконечная пропасть
и желанье упасть и пропасть...
Чистый лист, ты — единственный проблеск,
ты — уста... Ненасытная пасть!

26 декабря 1988 г.



Стеки, слеза хрустальная, стеки
на бледность опечаленной щеки!

Из туч, нагромождающихся туч —
луч угасающий падением озвучь!

Не покидаешь небосвод седой —
не хочешь стать обычной водой...

И всё дрожишь звездой на небесах,
накапливая звон в ночных часах...

Так музыка прекрасна и тиха
ещё не прозвучавшего стиха.

2 января 1989 г.

Из цикла «Памяти Высоцкого»

Визитная карточка

*Вдоль обрыва,
по-над пропастью,
по самому, по краю...*
В. Высоцкий

То **В**ысокие, светлые души
От**Л**етают на белых конях...
Рв**А**нный голос всё глуше и глуше:
Ез**Д**оки обскакали меня.
Зр**И**мый след за тугими крылами,
До **М**олитвы вознесена мысль.
Од**И**нокие тени над нами —
Не**Р**вы струнами в выси вплелись!
Ед**К**ий дым застилает нам очи,
Це**Л**ит прошлое жалом свинца, —
К **Н**ебу, за недописанной строчкой,
Ас**П**ид совести гонит сердца.
Я **Н**Исколько о ней не жалею.
Ос**К**рипучей телеге судьбы, —
Бр**О**да нет! Но за музой Твоею
Ла**В**р струится на конские лбы.

2 января 1989 г.

*Это — двухпорядковый акростих:
адрес автора прочтётся по первому,
а имя — по третьему порядку букв.*

(Примечание автора)

Слово

Слово искуснейший звук содержанием наполнит,
Слово любые мазки на холсте разбросает,
Слово о давнем, о древнем, о ветхом напомнит —
Слово умеет любыми звучать голосами.
Слово заставит оружие бросить любого —
нет ничего под луной неподвластного Слову!
Слову дано высочайшей светиться любовью!..
Можешь ты всё — ты готово, блудливое слово?

8 января 1989 г.



Могуч и всеобъемлющ Пушкин.
Но у царя не брал займы —
дворцовым не был, непослушно
дожил до тридцати семи.

Царь мог помиловать, мог высечь —
то в ссылку гонит, то простит, —
но долга полтораста тысяч
по смерти барда заплатил.

Не знаю как, но так сложилось,
что тех, кого любил народ,
всепроникающая милость
уже посмертно достаёт.

Растиражирован без счёту!
Какой доход течёт казне!
Такого долга и почёта
при жизни не видал во сне.

Давно родимые пенаты
печально изумляют свет:
одни прелаты и пилаты,
а меценатов вовсе нет.

Теперь — пускай ума палата,
вложил все силы, душу в труд,
но кто долги твои заплатит?
...Да и занять-то не займут.

5 мая 1989 г.

Последняя любовница

Когда плешивая фортуна
поманит ручкой в никуда,
хоть и готовишь кукиш втуне,
а вслух не скажешь: «Ерунда!»

Пусть без души она и плоти,
звенит, а не шуршит коса —
коль дама к нам сама приходит,
ей очень трудно отказать.

Так не пролёживай полати —
вставай, верши свои дела,
пока тебя в свои объятья
она ещё не позвала.

23 октября 1989 г.

Из цикла «Памяти Высоцкого»

На Исповедь Марины Влади

Женщине

Какой библейский грех ты искупала,
когда Господь означил жребий твой?
Тебе какого горя не хватало
без этой обречённости мужской?

Какие душу приковали узы
к тому, кто жаждал неба самого?
Как эта огнедышащая муза
не опалила сердца твоего?

Трагична жизнь не только в нашем веке,
не всякий — в страхе — повернёт лицо...
И только ты спасала в Человеке
его необходимость быть творцом!

Пусть кто-то, утопая в злобной лени,
поставит ни во что любовь твою —
а я за пол-России на коленях
перед тобой до смерти отстою.

22 декабря 1989 г.

Из цикла «Визитная карточка»



Душа должна перетерпеть.
Душа должна остаться чистой,
как ни докучил бы тебе
мир этот, алчен и неистов.

И в испытаниях — тверда,
покоя как бы ни хотела.
Иначе как же ей тогда,
когда она покинет тело?

11 июля 1990 г.

Памяти Владимира Высоцкого

(после посещения могилы на десятилетие со дня смерти)

Мой друг как молния мелькнул,
на небе высветив заплаты!
Но сколько жизней за одну
он отсмеялся и отплакал!
Отулыбался, отсмешил —
какие это были шутки!
Хоть раз признайтесь от души,
вы, те, кому от шуток жутко!

Мы разошлись во временах,
одно и то ж твердя губами.
Он сам превозмогал свой страх —
и превозмог. И мой убавил.
Своим же светом озарён,
он не ослеп от озаренья —
не только мне добавил он
и созревания, и зренья.
И он спешил — и я спешу,
он — до предела, я — не шибко.
Но вот хождение по ножу
я тоже не считал ошибкой.
И если голову нагну,
то чтоб поднять живое слово!
А он как молния мелькнул!
Где мне ещё найти такого!

5 сентября 1990 г.



Доблистать до конца, до предела!
Домелькать жарким пеплом в ночи!..
Тот — лишился надела, удела;
тот — не знает чего, но молчит.

Этот горло порвал, этот — сердце;
тот порвал обесцененный рубль.
А вот этому некуда деться:
не хозяин в отцовском дворе.

Этот вперил глаза в чьё-то знамя,
тот — в ромашку глядит: «нечет-чёт...»
и не слышат, не видят, не знают —
это Время сквозь пальцы течёт.

10 сентября 1990 г.

Из цикла «Люблю Отчизну я...»

Мерзлота

Какая долгая зима...
Какой запас извечной стужи...
Здесь многие сошли с ума.
Да на морозе ум ли нужен?

А если кто и был умён,
то только сковывавшей ленью:
здесь без имён и вне времён
в прах уходили поколенья.

И растворялся этот прах
на оттепель водою талой.
Но там, где в прах намешан страх,
и диких трав не выросло.

А если скудное тепло
судьба надольше приносила,
произойти одно могло,
из всех чудес одно — трясина!

И та разжиженная зыбь
полночных призраков веленьем
не может до сих пор забыть
готовности к окамененью.

13 сентября 1990 г.

«Улыбнёмся!»

Подражание

Роковые поиски

У неё чуть ниже талии
вместо тела гениталии —
даже в солнечной Италии
гениталий нет таких!
Я и рвал бы, и метал бы я,
и зубами грыз металл бы я,
чтоб избавиться, Наталия,
от чрезмерностей твоих.

У неё под юбкой плисовой
организм такой неистовый!
Зря связался я с нудисткою —
у меня ж мослы одне!
Но когда взглядишься пристально —
ясно, и веками признано,
что загадочная истина
завсегда лежит на дне.

И, сославшись на простуду, я
обозвал её паскудою.
— Сдай натуру в изостудию! —
посоветовал я ей.
Сам залапанной посудой
я, плюя на время скудное,
заспешил, день с ночью путая,
прямо к истине своей.

Соловьи скулили поздние,
а злопамятные простыни
всё хранили — хоть не просто ведь —
тот предательский душок.
Но, хотя закуска постная,
продолжал упорно поиск я...
А за это время поезд мой
потихонечку ушёл.

Октябрь — ноябрь 1990г.

Дочери

У осени повадки лисьи.
И цвет — расплавленная медь.
Исчезло лето по-английски —
нам, людям, лучше не суметь.

Сквозь эти пёстрые метели,
сквозь этот шорох расписной
скворцы неслышно улетели
туда, где, может, большой зной.

Комедия — под бабье лето
всё буйствует, глаза слепя, —
и с предварительным билетом
всё не уедешь от себя.

Куда ни ткнёшься — паутина, —
всё защищающийся жест.
Всё продолжается путина:
кого-то ловят, чтобы съесть.

Но сколько на судьбу ни сетуй,
всё продолжается пока.
И на Азове ставят сети
на осетра и судака.

А выше чуть — арбузы мочат.
Закат кровавый лыком шит.
И мать задумчивая, молча,
в кургане глинистом лежит.

У осени повадки — лисьи.
И цвет — расплавленная медь!
А сердце кружит над Тбилиси.
И дальше некуда лететь.

1 ноября 1990 г.

Соловецкий монастырь

Иззябшей кожей вздрагивает море.
А купол неба будто бы прогнул.
Но рвётся к высям безысходным горем
неслышный вздох невидимых могил.

Здесь жутко призывать воображенье —
всё без него как будто наяву, —
не тронешь неосознанным движеньем,
проросшую из черепов траву.

Иссохший перст беспомощного бога
печально виснет над клочком земли,
где сирые увечно и убого
в пыли и пылью под ноги легли.

Перенасыщен воздух духом крови,
хоть и следа не вспучилось нигде:
мешает соль земле — куда ей, кроме
как только к горькой стонущей воде.

Быть может, море потому и ропщет —
от горечи, избыточной ему...
Рыдает ветер на «голгофе» в роще,
скулит в дупле чему-то своему.

Господен храм, святой придел поруган
и сам, господь, ты опозорен здесь:
сквозь муки, сколько их тянуло руки —
да вот не дотянулись до небес...

А на заре, усталая от спора,
отсветит гладь, спокойна и чиста,
кровавый отблеск дивного собора
и скорбный лик распятого Христа.

13 ноября 1990 г.



Ох, не скоро, наверно, не скоро
даст отчизна свободу уму —
я скорей положу под забором
весь свой пыл на пустую суму.

Изойду, измусолюсь, исплачусь,
искричусь на её вороньё.
Но ни криком, ни плачем тем паче
ни растрогать, ни стронуть её.

Сколько здесь для раздора простора!
Сколько места, чтоб грянуться ниц!
Ведь измерить длину всех заборов —
выйдет много длиннее границ.

Сколько ж можно метаться и злиться
в толчее забарьеренных дней —
неужели вот этой земле
вековая покорность нужней?

Повторяя судьбу не одну, я
горьким стоном вконец изорвусь...
Но не знаю, сумею ль родную
проклянуть тебя, матушка-Русь.

15-16 декабря 1990 г.



Не суди меня слишком строго.
Здесь мой рок отчертил межу.
И опасно тот хаос трогать.
И не сможешь — как сам сужу.

Не желал бы, чтоб мне случилось
точно так же судить кого, —
потому не страшна немилость
непрощения твоего.

...Обличающее молчанье.
Многозначащий глаз прищур...
Я тебе — кроме слов случайных! —
Как себе, почти всё прощу.

Как себе — лишь до этой грани,
что устойчива не всегда,
ведь не суд, а поспешность ранит
опрометчивого суда.

Всепрощение — там, у Бога.
Зря его на земле хотим.
Не суди меня слишком строго:
«Не суди — и не будешь судим».

18 декабря 1990 г.

Из цикла «Счастлив, кто мир сей посетил...»



Туман... Туман... И снег сбежавшей пеной
расплылся у подножия души.
Мираж звезды высокой и нетленной
в сыром воображеньи мельтешит.

Туман... Туман... Тягучий, вязкий, серый.
Глухой, непредсказуемый туман.
Густой тоски неодолимой сферой
замкнул надежды сердца и ума.

Туман... Когда же ветры располочут
его и даль разбрызжется огнём?
Такой туман, что даже взгляд наощупь
надеется.

...Но что отыщешь в нём?

9 января 1991 г.

Из цикла «Визитная карточка»



Смешно — пока ещё смеётся.
И горестно — пока болит.
И влага отражает солнце,
покуда кубок не разбит.

В пристанище великой лютости
не пил я крови отродясь —
и прощаюсь с вами, люди,
жалея вас и не стыдясь.

22 января 1991 г.

Из цикла «Шерше ля фам»



*Купона рваного не дам
за этот холодок лучистый...
Но чтобы не поздравить дам —
не приведи тому случиться!*

По снегу с грязью пополам,
весной, хромающей со старта,
доставлен несогретым нам
столь жданный день — 8 Марта!
Весны не повторишь вспять!..
Пусть вы с всевышним референтом
непредсказуемы опять,
как всенародный референдум,
как эта странная весна,
что после долгой зимней ночи,
не пробудившись ото сна,
уже нам головы морочит;
пусть ваши взгляды холодны,
намёки злы, улыбки колки,
но помним мы, что у сосны
ВСЕГДА ЗЕЛЁНЫЕ ИГОЛКИ!

...Какой бы вес придать словам?
Тут путних слов найдёшь едва ли..
Мы пожелаем нынче вам,
ЧТОБ ВАШИ ВЁСНЫ НЕ ХРОМАЛИ!
Не в плане том, чтобы они
мелькали неостановимо,
а чтобы, если вы одни,
они не пролетали мимо.

6 марта 1991 г.

Последний звонок

Прощальный звонок, печальный звонок
услышьте душой — и учтите,
что будет без вас иногда одинок
не очень любимый учитель,

что будет ему не хватать иногда
проказ и беспечного смеха,
что стали родными — и ваша беда
всегда отзывалась в нём эхом.

Что было — то было, и это прошло.
Но весь перезвон непокая
тому, что настанет, тепло и светло
в судьбу унесите с собою.

Всё может быть: ветер, сшибающий с ног,
грозы нарастающей клёкот,
усталость и боль... — и вот этот звонок
услышится вам издалёка.

28 марта 1991 г.

Из цикла «Люблю Отчизну я...»

Король вокзала

Вокзал. Цветной бетонный пол
Лицо — набрякший старый лапоть.
Пусть где-то дом... Пусть где-то стол...
А он всё будет пить и плакать,
и в грудь слюнявым кулаком
выгулживать по рёбрам: — Русский!.. —
проглатывая в горле ком
несостоявшейся закуски
и ядовитую слезу,
что больно круто замесили...
Весь вот он, среди ног — в лесу —
заблудшей родины мессия.
Судьбины предсказать не смог.
Подбит исканий «дебет-кредит».
И, соглядатай и пророк,
он никуда уже не едет.
Пусть годы рельсами гудят —
он врос по сердце в эту слякоть.
Пусть все смеются и едят!
...Но кто-то ж должен пить и плакать.

28 марта 1991 г.



Никто тогда не подсказал —
а я не сожалел об этом.
И обязал меня вокзал
платить, но ехать без билета.
А рельсы плыли вкривь и вкось.
На том кондукторство хамело.
Собака брошенную кость
обгрызвала неумело.
И ночь не приносила сна.
Надоедали полустанки.
И тихо дёргалась весна
подранком в запотевшей рамке.

Но я не поумнел ничуть —
спешу куда—то вслед за летом.
И кровью по счетам плачу.
Плачу. Но еду без билета.

8 апреля 1991 г.

Опять дождь

Что за ущерб, за ремесло —
желать судьбу теплей и суше?..
Опять куда-то понесло
твою расплывчатую душу:

она, печалась и скорбя,
готовится светло и долго
к тому, чтоб вымучать себя
предчувствием святого долга.

И снова разгорится в ней
звезда высокого накала...
Но всё же в царствии теней
она сочувствия искала

себе, безжалостной, одной,
забыв, чего хотело тело,—
и очаровывалась тьмой...
Ну вот — взяла и улетела...

Я понимаю — недосуг.
Но ведь связующее рвётся!
Не заблудилась бы...

А вдруг —
и не найдёт, и не вернётся?..

Рассвет крутые слёзы лил.
Земля безмолвствовала кротко.
И ночь на краешке земли
роняла капли с подбородка.

1 мая 1991 г.

Из цикла «Счастлив, кто мир сей посетил...»



Что ж такое?.. Усталость... Усталость —
всей душой и хребтом, и нутром...
Вездесущее зло расплескалось,
примелькалось и стало добром.

Всё смешалось. В ловушке просвета
в крест господен скрестились мечи.
Прах! Мираж! Западня!..
Но об этом
мрачный космос угрюмо молчит.

Ветер в звеньях заржавленных рыщет.
С вековечным разрушена связь.
Время злобствует в поисках пищи...
и находит, кроваво дымясь.

15 июня 1991 г.

Из цикла «Раздумия»



Творец мерцает над толпой.
Убого царствует эпоха.
Мир, ошалевший и слепой,
ждёт просветления от Бога.

Язык мольбы коряв и мглист.
И безответность губы сушит.
А Он, не разбирая лиц,
приходит лишь по наши души.

Не приложившие труда,
чтоб укрепиться в божьем духе,
зачем они ему, когда
они уродливы и глухи?

А истинная красота
Христом блуждает по пустыне...
И живоде́рня для Христа
ждёт на Голгофе и поныне.

16 декабря 1991 г.

Из цикла «Как пишутся стихи»



Соловей поёт от класса птиц,
меж людьми не различая классов,
не деля на умных и тупиц.
Так кому же соловей опасен?

Тем, кто только денег слышит звон?
Тем, кому всё искреннее жутко?
Но без цели песней делит он
всех под небом на глухих и чутких.

Да глухим от вечного «кому?» —
кроме злости, никакого толку.
...Лучше б не мешали вы ему —
он поёт! Он соловей. И только.

1991 г.



Вечер крался котёнком вдоль стенки.
Тополь что-то шуршал о былом.
Солнце полузакрытые зенки
тёрло тучки дырявым углом.

Вслед за тем потухающим взглядом
неожиданно и в никуда
где-то рядом — как будто бы рядом! —
покатилась, мерцая, звезда.

Вот тогда и подумалось: «Мне бы...
мне бы надо успеть загадать! —
и вот там же, в густеющем небе,
вспыхнет новая, вспыхнет опять...»

Только что-то в душе обломилось.
Ветер выдавил влагу из глаз —
я смахнул!.. Ничего не светилося.
Солнце село. Звезда не зажглась.

5 января 1992 г.



В поле — гады, в море — черти, в буреломе — леший...
Это ты ещё не знаешь, что такое спешка.

Это ты ещё не знаешь, каковы дороги.
Ты в своей звезде уверен и в своей эпохе.

И в глазах твоих пока что солнце отразимо.
Это ты ещё не знаешь, что такое зимы.

Это ты ещё не слышал, как судьбе на ушко
очень скупо сообщает новости кукушка.

Счастье в том, что ты не знаешь, как твой путь короток.
Что ж, иди, пока идётся! Ты — сама Природа.

И всему душа открыта. И ещё не блудит.
Это ты ещё не знаешь, что такое люди.

21 февраля 1992 г.



С цикличностью, достойной Вечности,
над миром смертных бьют часы —
неся упрёки человечеству,
приходит человеческий сын.

И слово говорит печальное
о недостойности пути,
исход которого — отчаянье,
и говорит, куда идти.

Но как это — не грабя ближнего,
не укради и не убий,
не унижай, не будь униженным
и всех, как самого себя, люби?!

И закипает пена генная —
закон Толпы неумолим:
она выплёвывает гения,
не в силах следовать за ним.

3 июля 1992 г.

Помин

Снова забульканный. Всё — ерунда.
Тело — не тело — тряпка.
«Пьяный проспится, дурак — никогда!» —
так утверждала бабка.

Пьяный — проспится, а я не сплю —
выколи оба глаза.
Бабка сказала б на это: «Плюнь!
Ум забредёт за разум».

В мыслях и вправду какой-то бред —
утихомир, а ну-ка!
Всё ничего бы, но бабки нет.
А ведь любила внука.

Если б сегодня была жива,
ясно бы — пожалела.
И для души бы нашла слова,
и пирожок для тела.

Не был ни разу я бабкой бит
(хоть, видно, надо было!)
Вот потому и душа свербит —
Больно она любила.

Мне б, горемыке, суметь заснуть —
может быть, сон подлечит.
За ночь бы выдыхал эту муть.
Ведь похмелиться нечем.

В раме заплёлся луны пятак.
Ноги не вденешь в тапки.
Это же надо набраться так,
чтоб вспомнить о бабке!

30 декабря 1992 г.

Ищите женщину

Судьба скользнёт визгливым юзом —
причины не объять словам —
кромешный мрак! А у французов
один ответ: «Шерше ля фам!..»

Тот на костях на человеческих
городит мраморный вигвам.
О чём скандал? Какое вече?
Нет сложностей — шерше ля фам!

И ежели на поле брани
Земля теряет сыновей,
ищите женщину, земляне, —
что б ни стряслось, причина в ней.

Она к предательству склоняет,
к изменам, подвигам, стихам —
и божеству, и чёрту няня!
Судьба и рок! Шерше ля фам!

Но если вам придётся туго,
хоть опытни вы, хоть профан,
ищите по душе подругу —
шерше ля фам! Удачи вам!

Декабрь 1992 г. — январь 1993 г.

Паломник

Я сквозь годы пришёл, сквозь лишения и муки,
сквозь сомненья свои, чтобы здесь, наяву,
к этим бёдрам округлым воздеть свои руки
и хвалу вознести своему божеству.

О страданиях своих я коленопреклонно,
на глазах у Вселенной растрчивал пыл.
Но желало мольбы вожденное лоно!
...Я пришел!.. Я дошел!..

А молитву забыл.

20 января 1993 г.



Как просто женщине — обидеть.
Словами, как кнутом, полощет.
Казалось бы, и видел виды,
а сердце ёжится и ропщет.

То: «Нравится тебе другая —
и это мне за всё награда?!»

То: «Ни за что меня ругаешь!»

То: «Я и жить уже не рада!»

То — много пьёшь, то — мало носишь,
то — оскорбил её подругу,
то — над обедом крутишь носом...
И только пытка, только ругань.

Хрип из груди — как из пробитой.
Душа — истоптанная площадь.
Как просто женщине — обидеть!
... Но женщину обидеть проще.

8 мая 1993 г.



Настырно заполняет уши
всезнающий народный глас:
— Не будет лучше, будет хуже,
а лучше там, где нету нас.

А я какой-то невезучий.
Мне всё грустней день ото дня.
Но знаю точно — будет лучше!
Там, где пока что нет меня.

9 июля 1993 г.



Ну вот опять блеснуло солнце —
в такой мороз, в разгар зимы!
И я просил тебя: — Не ссорься —
и без того устали мы
от неприютности надежды,
от бессердечности людской...
Принёс природе полог снежный,
пусть леденящий, но покой.
На грани года пахнет елью...
Озвучит ночь курантов бой...
С какой же непонятной целью
мы изнуряемся борьбой?
Зачем изматываем души?
Крутой упрёк в пружину свит.
Не страстный пламень губы сушит,
а гневный перечень обид...
Деревья снег роняют с веток,
Там — тишина... Простор и свет,
и море солнечного света!
...Так что же нам покоя нет?

1993 — 1994 гг.

Праздничный вой

Как побитая собака.
Отстаёт от рёбер кожа.
В пору на луну поплакать.
Не присмотрен. Не ухожен.

Не накормлен. Не обласкан.
В миске варево прокисло.
Разъезжаются салазки,
донимают блохи-мысли.

Лишь кусок цепи гремучей
да прослабленный ошейник...
Всю мою натуру мучит
ненаправленность движений.

Конура на перепутье
всем ветрам стоит подарком.
Некого и в нос лизнуть мне
в женский день. Восьмого марта.

8 марта 1994 г.



Какой нектар я пил однажды!
Я душу наслаждал и плоть!
И как я пил! Но тяжкой жажды —
ни утолить, ни побороть.

Изнемогающее пламя —
какой пожар пылал во мне!
И я сосуд губами плавил,
и сам сгорал на том огне.

Я храм спокойствия разрушил.
Я жаден был, но не был груб.
Я наслаждал и плоть, и душу!
...Но пил нектар с холодных губ.

3 мая 1994 г.



Ты словно смерч слезы и вопля,
Ты — символ страсти и тоски.
Так концентрированно вобран
накал в рефлекторный изгиб.

А я — встревожен и приморен
всем тем, что этот смерч принёс, —
чуть-чуть разгневанное море,
всего чуть-чуть. Но море слёз.

2 июня 1994 г.

Друзья

Навалятся, когда не надо:
ни в гору глянуть, ни вздохнуть —
и целый день — кромешным адом,
и ночью не расправишь грудь.

А вот сейчас не держат руки,
креста не держат своего —
придите, отзовитесь, други!
Хоть кто-нибудь!.. Но — никого.

3 июня 1994 г.

Из цикла «Люблю Отчизну я...»



Опять в груди тоска и боль
от чьих-то ложных эрудиций.
Как снова стать в ладу с собой?
Как от тоски освободиться?

Как этой жизнью дорожить?
Как выжить, не свихнуться чтобы,
не опуститься в мире лжи
до мелкой зависти и злобы?

13 июня 1994 г.



Ты скажи мне куда — я приду.
Отогреюсь, тебя веселя.
Я по жизни уныло бреду.
Без тебя не мила мне земля.

Без тебя иногда — как в бреду.
Только вспомню тебя — весь в огне.
Ты скажи мне куда — я приду!
...Но сейчас не до этого мне.

11 июля 1994 г.

Из цикла «Судьба поэта»

На смерть соседского терьера



Я умру от собачьей чумки.
Люди скажут: — Какой чудак!
Но, хочу я того — не хочу ли,
только, думаю, будет так.

И меня соловьи оплачут,
будут звёзды в лицо смотреть.
Что поделать — коль жизнь собачья,
то такой же должна быть смерть.

Может, саван сошьют из крепа —
может, люди и снизойдут...
Похоронят меня, как Трефа,
под забором, в чужом саду.

15 июля 1994 г.

Из цикла «Судьба поэта»



Бог ты мой! Три недели кряду
вдов и холост — один, как перст.
Пью судьбу, словно чашу с ядом,
жду, когда она надоест.

Демон мой! Тут умом не тронься —
на последний иду зигзаг:
наблюдаю, как тухнет солнце...
Не в окне, а в моих глазах.

Не печалься потом, подруга,
не бросайся в холодный пот,
если выпаду я из круга
и людских, и твоих забот.

29 июля 1994 г.



Живу как бог, а сплю — как зверь:
малейший шорох в доме слышу.
А у тебя не так?.. Поверь.
Не веришь — присмотрись поближе.
Вот мой насест. Вот — тяжкий крест.
И не подвержен я недугам.
Когда мне нечего поесть,
тогда святым питаюсь духом.

Приходят ближние ко мне.
И дальние приходят тоже.
Я на оборванной струне
предсказываю и итожу.

Я рассудил, и я помог —
и нету вас, и ваших нету!
И я уже не царь, не бог
и не герой по белу свету.

И я смешон, как божий перст,
и никому уже не дорог,
хоть слышу каждый всхлип окрест
и тайный шаг, и скрытный шорох.

А вот когда живу как зверь
и сплю в лесах, полях, посадках —
ни шорохов, ни стука в дверь.
И сплю — как бог: светло и сладко.

30 июля 1994 г.

Молитва

Седина — в бороду, а бес — в ребро.

Фольклор

Борода — седая насквозь.
Жизнь — по «тыкве»! Бес — в ребро!
Все друг другу: выкусь-накось!
Вот оно, Твоё добро!

Там — понятно... Там — свирели...
Птицы райские кругом...
Боже! Бабы озверели:
и при детях — матюгом!

Шмары шарят по подвалам —
хоть компрессор под соски! —
стервенеть — так просто валом,
как рожать — не по-людски.

Запиши себе в скрижали:
люд с рождения гниёт!
Где Ты слышал, чтоб рожали
пацанву через живот?

Чем Ты там, вообще-то, занят?
Шар земной Тебе не мил?
Тут круги перед глазами:
ведь — куда ни глянь — дебил.

Ниспошли, Господь, «наколку» —
отложи свои дела —
на хорошенькую «тёлку», —
чтоб не «двинутой» была!

Чтоб не злая, не хромая,
не блатная... но не мент!
Я, конечно, понимаю —
неширок ассортимент.

Хошь-не хошь, а поработай:
возврати мне идеал!
А уж как — Твоя забота:
Ты ж всё это создавал.

Ты, Господь, сваялял балбеса:
вот она, святая Русь!..
...Только, слышь, не трогай беса...
С бесом сам я разберусь.

29 августа 1994 г.

Сентябрьский этюд

По мне, как по трупу,
елозили мухи.
Гнусавые губы
гундели на ухо.
Приблудные люди,
упавшие в детство,
без всяких прелюдий
делили наследство.
Цветы в изголовье
крикливо торчали.
Метался как клоун
какой-то начальник.
Обмахивал тело
подкупленный в рясе.
А друг обалдело
слезою украсил.
Зубные протезы
(высокая проба!)
несбыточной «дезой»
сверкали из гроба.
И кто-то спесиво
и жалостно ойкал.
...Меня выносили...
Судьбе на помойку.

20 сентябрь 1994 г.



Вначале было слово...

Я не знаю сути дела,
только чувствую хребтом,
что сначала будет тело,
неумелое при том.

А потом пойдут «базары»,
что коль скоро отдалась
и, тем более, задаром,
то, конечно, это — страсть!

А потом, в ажиотаже,
к ночи следующего дня,
с непомерной грустью скажет,
что не может без меня.

Я, конечно, буду должен
видеть солнце впереди,
хоть и, видите ли, дожил
до сединок на груди.

В наработанном ударе
что-нибудь ещё соврёт...
Этот простенький сценарий
я читаю наперёд.

Я не знаю сути дела,
только чувствую хребтом,
что не трону это тело,
пусть и выгляжу скотом.

21 сентября 1994 г.

Из цикла «Венец творенья»



Никуда мне не надо идти...
И куда возвращаться обратно?..
Всё понятно на этом пути:
все друг другу не волки, а братья.

Да не мы ль захламили леса?
Да не мы ль испохабили реки?
Сколько ж можно приглядно писать
о хорошем в живом человеке?

Нет надежды. Упрёки одни.
Но сходи и ещё раз уверься
в том, что всё-таки братья они...
в этом плохо продуманном зверстве.

6 ноября 1994 г.



Меня — хотите ль, не хотите —
Христос безмерно удивил:
как можно жить, не ненавидя
то, что препятствует любви?

Не дай же бог — в своей гордыне,
а то обиду затая,
ты оскорбишь мои святыни —
всем существом отвечу я!

А может, тот, кто вместо мщенья,
рассудком успокоив кровь,
умел простить, просить прощенья,
и прав?.. и это есть любовь?

9 ноября 1994 г.



Чем-то вкусным расслабиться, что ли...
Сколько можно — в узде да в узде!
Только губы закусишь до боли:
жизнь — в ярме, а судьба — в борозде.

Вкус и привкус — две разные вещи.
Если сравнивать: радость — и грусть.
Но и привкус бывает зловещим,
если в алчном неведеньи вкус.

Напряглись и судьба, и эпоха.
Только даль от того не ясней.
На губах привкус крови — неплохо.
...Хорошо, если только своей.

14 ноября 1994 г.

Из цикла «Люблю Отчизну я...»



Здесь каждый чем-то недоволен.
А всем попробуй угоди.
И я один, как в поле воин.
А в поле — воин не один.

Азартом тяжким захватило,
как запертых голодных крыс, —
теперь за место под светилом
кому-то надо глотки грызть.

Пахать бы надо эту ниву!
Но нет покоя: вечный бой!
И солнце движется лениво
над непонятной толчейей.

Зачем? За что? И с кем воюем?
Ведь души — как закат — в крови!
И я, глупец, ещё пою им
о невозможности любви.

20 ноября 1994 г.

Из цикла «Титаническое»



Для гибели столько создано,
столько создано на беду,
что и Господу нету роздыха,
что и тошно чертям в аду!

Обыватель, взглядишь внимательно,
в чём является благодать, —
нет и смысла хвалить Создателя
за умение создавать.

28 ноября 1994 г.

Из цикла «Визитная карточка»

Сублимация по Фрейду

Я надеждою только жив.
О любви всё тоскует лира.
Только я не гожусь в пажу
самым нежным царицам мира.

Как фанатику божество
фосфорически светят лица...
Лира вяжет, не до того:
руки заняты, чтоб молиться.

30 ноября 1994 г.



Берегите в женщине женщину —
не порвите святую нить!
Нам Природой самой завещано
защищать её и хранить.
Ублажать, уважать и пестовать,
все желанья её ловить, —
и она вам ответит песнею
самой светлой, большой любви.
И нельзя, чтобы женщина плакала, —
мы ж, бывает, — как чёрт захлест.
Умоляю любого и всякого:
век не видеть вам женских слёз!

Я и сам испытал, и видывал,
как, едва отойдя от сна,
разобиженные — обидами! —
могут вывести, докрасна.
Надо в споре, скандале, ссоре ли
не срабатывать как праща —
ну, подумаешь там, повздорили! —
не себя, а её прощай.
В наше время мужик избаловался.
От добра не ищут добра!
...Я вчера от одной избавился.
Полегчало. Как с плеч гора!

3 декабря 1994 г.



От мрачных дум седеет голова,
а борода — от недостатка пищи.
Крепись, поэт, — выходишь ты едва
на лучезарный статус «вечный нищий».

Возможно, плох и неуклюж твой слог.
Возможно, явь перемежаешь снами.
Припомни, как ушёл из жизни Блок...
Вот с голоду помрёшь — тогда признают.

3 декабря 1994 г.



Что там заяц топорщит ухо-то,
вепрь всю ночь не смыкает век?
Что так птица кричит испуганно?
Что олень ускоряет бег?
Что не слышно коня буланого?
Что бобёр не построит дом?
Что же рыба так странно плавает,
блещет вздувшимся животом?
Кто как смерч по планете мечется,
свирепеет, богам сродни?..

То безумствует человечество,
люди — бедные! — всё они.

4 декабря 1994 г.



Туга. Туга. Всё туже и туже.
Как на шее, петля над душой.
Я ж — ни богу, ни дьяволу душу.
И тому, и другому чужой.

Я ж — ни в кознях, ни в церкви с крестами:
жалко совести — жалко и ног.
Но в беде никого не оставил —
разве было, чтоб я не помог?

Люди ж, бедные, глупые люди —
сколько этих прощённых обид! —
каждый, если и в душу не плюнет,
то насмешкой добить норовит.

И действительно — это ж потеха,
если кто без корысти живёт!
Вот и строят из сплетен и смеха
пьедестал для таких — эшафот.

1 января 1995 г.



Всё — по-старому, всё — по-прежнему:
грабят все и воруют все —
жизнь — страданица многогрешная
в неизбывной своей красе.

Хоть и все этим, в общем, заняты, —
деньги делят — кто делит власть.
Тащит мозг из анналов памяти:
большинству не по силам красть.

Мы вперёд идём? Не обратно ли?
Провидение «на хвосте».
Только сирых венчают «братьями» —
больше! — братьями во Христе.

8 января 1995 г.



Опять меня гнёт на четыре стороны
угарный дым по моей стране.
А в детстве — когда-то! — всё было здорово,
и вороны были друзьями мне.

А ныне — простор, пополам расчёркнутый,
как будто над бездною, на краю.
И эти — слетелись, обсели, чёрные,
молчат и на душу глядят мою.

Мечта и та — какая-то пошлая.
Желание жить — постоянно врёт.
Ведь видано много, хоть мало пожито.
И знаешь на триста веков вперёд.

8 января 1995 г.

Из цикла «Одиночество»

Ку-ку...

Кукукнулась моя гитара —
теперь я круглый сирота.
И не поплакаться задаром
о том, что хижина пуста.

Лишь тишина. И мышь не пискнет.
Галлюцинации пекут.
А за окном — лишь звёзды-брызги.
А на стене — часы: «ку-ку»...

Докуковать, дожждаться мне бы —
весной упасть на грудь Земли
и слушать, как в далёком небе
трубят о чём-то журавли...

31 января 1995 г.

Из цикла «Визитная карточка»



Во рту развалины почище Карфагена...

И. Бродский

Статься поэтом — это судьба.
Только во рту — как решето.
Часто стихи, как зубы, свербят,
чешутся — да не режутся.

Может быть, то, что мелким тишком
как-то на свет прорезалось,
можно бы было назвать стишком,
может... Но не поэзией.

В рифму соврали — и полон рот
вкусной, здоровой пищи.
А кто не холуйствует, то есть не врёт, —
без вариантов — нищий.

Нет если совести — мало лба.
Пусть я питаюсь кашицей.
Быть, а не зваться — это судьба!
Всё остальное — кажется.

26 февраля 1995 г.

Из цикла «Визитная карточка»



Верный судьбе, еле понятый близкими,
слишком нагляден удел Христа:
видите — тело висит ребристое,
видите — капает кровь с креста.

Где, на каких бы крестах ни висели мы,
новых каких бы крестов ни ждём —
кто без надежды на воскресение
сам соблазнится таким путём?

Если в отцах не имеешь Бога ты,
нечего ждать и благую весть
о воскресении. Но дорога-то
всё же зовёт! И безумцы — есть.

14 марта 1995 г.

Из цикла «Визитная карточка»



Дело не в том, что стихи мои — грустные, —
с детства и грустные песни любил.
Просто не в силах мы выразить чувствами
то, что исходит из наших глубин.

Дело не в том, что действительность — серая,
ну а грядущее — вовсе темно.
Просто под скрытой сознанием сферою
многое в нас было предрешено.

Прадед ли пахарь, прапрадед ли каторжный,
загнанный скиф, бесприютен и гол,
может быть, так пострадались!.. И надо же,
чтобы от них ты и произошёл!

Что в нас бурлит напряжённо-безуственное?
Не осознает всего голова.
Боль — необъятна! Не выразить чувствами.
Ну а, тем более, — что там слова!

14 марта 1995 г.



Что пишу я! — хула да упрёки.
Нет бы хоть на бумаге соврать!
Только здесь — даже боги убоги.
Только бед — несчислимая рать.
Обесценилась жизнь, разокралась.
Мир людей — из страстей и тенет.
Очень трудно описывать радость,
если к радости повода нет.

6 мая 1995 г.



Хожу как йог по битому стеклу
на грани сил и у судьбы по краю —
Господь от хруста напрягает слух!
Но я надеюсь, что не покарает.

За что карать? Хоть битое стекло —
не крест голгофский, но балдёжно тоже.
Мир пеленой затягивает зло.
Но разве я его по свету множу?

Я был неправ и, видно, много раз —
сидит во мне моя вина былая.
И вот вошёл в трагический экстаз —
страдаю, словно карму отбываю.

Я занят так, что день в глазах потух,
и на ногах моих как будто путы —
душа святее от таких потуг!
... Но жаль, что я — нетрезвый и обутый.

13 мая 1995 г.

Гости

Это не напитки — это пытка!
Это третьей степени ожог!
Я не йог, и в следующей попытке
можно прихватить серьёзный шок.

А они опять свои «балясы»,
а вот эту «божью благодать»
потихоньку запивают квасом.
Это ж надо мясом заедать!

И как будто никого не водит,
не кидает, — в общем, не «штормит».
И под эту «огненную воду»
каждый — интеллект и индивид.

Околею скоро! Тут всё споры.
Вишнями плюются в огород...
Это могут только лишь шахтёры!
А на дурняка — так весь народ.

19 июля 1995 г.

Биостимулятор

*И всей души моей излучины
пронзило терпкое вино.*

А. Блок

Что за странная беда?
Водка пьётся, как вода!
Не берёт. Не усыпляет.
Только «водит» иногда.

Нету чёртиков на дне, —
от того не легче мне:
пишешь, как с петель сорвался.
Точно — истина в вине!

Наваждением моим
я, как волком конь, гоним.
Даже руки не трясутся,
как положено бы им.

Поутру глаза протру —
и опять за адский труд.
Выдыхать, конечно, трудно.
Правда, только поутру.

С вдохновением — беда!
Так не может быть всегда.
Да и водки не хватает.
И закуски. Иногда.

1 августа 1995 г.



Не сотвори себе кумира
из женщины, не сотвори!
Я снова в ссоре с целым миром
глаз не смыкаю до зари.

Щемит в районе сердца где-то,
зудит звериная тоска.
А небо тучами одето.
Повыть — звезды не отыскать.

Сочит душа из всех излучин:
усталый, одинокий волк!
Уже и луч пробился в тучах,
а стон сердечный не умолк.

В созвездии Кассиопеи
блистают звёздные дожди.
И из-за туч кричу тебе я:
— Не отрекайся! Подожди!

Я сам не рад, что мне превыше
неясный свет моей звезды...
Но разве ты меня услышишь?
Ты слышишь то, что хочешь ты.

Скулит измученная лира.
И снова ночь. И фонари!
Не сотвори себе кумира!
Из женщины не сотвори!

15 августа 1995 г.

Из цикла «Такова се ля ви...»

Перед поездкой на могилу

Спасибо, мать, что умерла, —
я, наконец-то, стал поэтом.
Ты б видела мои дела,
весь мой измор при всём при этом!

Ведь я смотрю на мир землян —
и не терплю, и не приемлю:
здесь каждый тайно обуян,
а вместе истерзали Землю.

Тут чьи-то выслушай мечты —
и восхитись!.. (Ушам не веря!)
Ведь под личиной доброты
любой и всякий прячет зверя.

А у поэта вечный бред:
где попадая о тайном трёкать —
естественно, себе во вред:
кому понравятся упреки?!

Я на земле который год —
все ждут пришествия мессии! ...
...А вот меня никто не ждёт.
Ну, разве ты... На всю Россию.

18 августа 1995 г.

Из цикла «Визитная карточка»

Сестричке Людочке Фисуненко

Не повеситься мне и не спиться —
ни верёвки, ни денег на водку.
Луч надежды вязальной спицей
в паутину превратностей воткнут.

Всё забуду — и к велосипеду:
обихожу колёса, педали,
всё отлажу — и вот уже еду.
И гундосые только видали!

И уже ничему не перечу —
лесом еду ли, еду ли полем, —
я не еду чему-то навстречу —
я всего лишь спасаюсь от боли.

Дребезжать мой напарник не будет.
А о чём? О проблемах идадьго?..
Попадутся — хоть добрые люди —
поздороваюсь только, и — дальше.

В темноте потоскую под стогом
о желанном, несбыточном, звёздном.
Раскручу и исток, и итоги,
пробегусь мелким всхлипом по вёснам.

Солнце греет то тщетно, то вполымь.
Мир людей кровожаден и алчен.
Остаётся бескрайнее поле
воспалённым безумцам ламанчским.

Но предутренный терпкий морозец
подновит потускневшую ретушь.
Я пройду, обнажённый, по росам
и смирюсь: от себя не уедешь!

По-есенински дрогну под клёном.
Распрямлю утомлённые плечи.
И спокойно, умиротворённо
тронусь дальше. Чему-то навстречу.

1995 г.

Прости

*Качнулось божье коромысло.
Я бледен, будто пролил кровь.
Но всё же выронил из мыслей
твою досужую любовь.*

Когда погаснут угли жара,
не мёрзни у следов огня
и под рукой моей шершавой
не мучай, не печаль меня.

Ты мне нужна, как нужен воздух,
как в зной палящий — водоём.
Но сердцу больше нужен роздых
от одиночества вдвоём.

Как видишь, всё предельно просто —
иллюзий нет, утерян рай.
И на прощанье — только просьба:
о душу ног не вытирай!

Я не хочу копить обиды,
чтоб возвратить как счастьем дань.
Я не могу как пёс побитый
лизать карающую длань.

Потом, когда мой след простынет, —
вернувшись в лоно простоты,
ты, если сможешь, то прости мне!
Прости мне всё, что сможешь ты.

1995 г.

Из цикла «Авитаминоз»



В этой стране ничего невозможно —
чтобы по совести — в толк не возьму!
В ранг преступления возводят оплошность,
лишь бы не дать проявиться уму.

Власть темноты, ожиданье месии,
взятки, сума, — не тюрьма, так ГУЛаг, —
в нынешней — так же, как в прежней, России —
пустопорожний державный кулак!

Ген истощал в революциях, войнах,
целенаправленно выкошен в нас, —
выращен класс безупречно довольных,
тупо-покорных, но правящих масс.

Алчность звериная временем правит,
рабская зависть да пьяный дебош.
Тут — присмотрись — и народный избранник
на человека не очень похож.

Гений покинул. Остались уродцы —
стадо скота по колено в дерьме!
Здесь и за жизнь неохота бороться,
в этой, всегда полудикой, стране.

11 января 1996 г.



*А человек — иль не затем он,
чтобы забыть его могли?*

В. Ходасевич

Ангельский путь мой пройден —
совесть моя чиста.
В этом аду к жаровне
я приложил уста,

не опаливши крыльев.
Чёрным тавром клеймён —
как с обожжённым рылом
в список святых имён?

Может быть, чтобы выжить
и не блистать с креста,
если забыт всевышним, —
демоном надо стать?

12 февраля 1996 г.



Снова влип: только пишешь да куришь.
А работы — и не перечешь.
Слава богу, проведаль тут кореш.
Слава богу, хоть курево есть!

Вот и бороду надо подстричь бы.
Так — куда там! — минуты не трать:
снова муза, как царский опричник,
заставляет бумагу марать.

И мараем прилежно, однако.
Зацепило — ни сеять, ни жать.
Только трудно без денежных знаков
ручку в ручках прилежно держать.

С бедным телом изморенным споришь —
перед ним в неоплатном долгу.
Может, снова проведает кореш...
С табаком я без хлеба могу.

Август 1998 г.



Какая ночь! Таких раскатов
ещё не слышал при грозе —
того гляди расколет хату,
деревья выломает все.

Но я не в доме — я на сене.
Соорудил для сна Парнас —
и с вакханалией осенней
лишь плёнка разделяет нас.

А ветер — что кузнец мехами!
Скорей, сам чёрт за кузнеца.
А полыхает, полыхает —
рук не отнимешь от лица!

И струи мощные, лихие
крушили Землю с высоты.
Стихия! Вот она — стихия!
И перед ней ничтожен ты.

Как будто Бог сорвался с трона
и в это место указал —
восторг свободных электронов
меня распятого пронзал.

Тут впору было утопиться:
воды уже — Земле по грудь!..
... А как же вы, степные птицы?
Укрылись вы хоть где-нибудь?..

Спасибо — не сорвало крышу.
А к остальному я привык.
И вот уже сквозь дрему слышу —
стихает громогласный зык.

Мечтой над вспученным пространством
поплыл мой спальный сеновал:
внизу кораблик кувыркался —
вертел его девятый вал...

Не дай вам Бог в такие ночи
себе приюта не найти!
Дай Бог, чтоб не ослепли очи
того, кто в этот час в пути!..

А дождь уже тихонько плакал.
... Грозу б такую по весне...
И мне бездомные собаки
зачем-то виделись во сне.

23 августа 1998 г.

Роковая дата

У меня сегодня славный праздник.
Отдыхаю я от разных бед,
от сомнений разных несуразных
и готовлю праздничный обед.

Нынче будет редкая пирушка!
Где б найти разминочные «сто»?
Собрана, нарезана петрушка,
гроздь калины украшает стол.

Поросёнка жареного нам бы!
Только вреден он для наших вен,
и его заменит топинамбур.
Дразнит ноздри размельчённый хрен.

Главное — чтоб радость не погасла,
хоть промозглый дождь стучит в окно.
Надо бы в салат немного масла...
К сожаленью, дорого оно.

Кончилось засушливое лето.
Кончился и хлеб. Но что нам хлеб!
Жаль вот только — дочки рядом нету.
А сегодня дочке двадцать лет.

15 ноября 1998 г.

Новогодняя элегия

Я надену белые одежды...
Но сначала печку протоплю!
А потом, как не однажды прежде,
грусть свою в бокале утоплю.

Будто бы неведомая сила
на судьбу проставила печать:
не судьба ни с дочкой и ни с милой
праздники семейные встречать.

Старый год порадует уходом, —
вспомнив, где и как потрачен пыл,
мысленно поздравлю с Новым годом
всех, кого любил... И не любил.

Декабрь 1998 г.



Что такое? Я больше не плачу...
Даже если расслабит питьё.
Я-то думал — души не растрочу.
Так на что ж я расплакал её?

Отсмотрелся в любимые очи?..
Отсмеялся в лихую грозу?..
О несбыточном сердце хлопочет,
и о нём не роняя слезу.

Раскрутилась пружина тугая?
Всё равно, что в раю, что в аду?
Равнодушных богов не ругая,
не мигая смотрю на звезду.

Как бы ни было небо жестоко,
как земля ни была бы темна —
горделива, всегда одинока,
и сквозь слёзы сияла она.

Только с ней я и тут что-то значу.
Так разверзлись, кромешная ночь, —
я иду! Я уже не заплачу.
Разве только, как вспомню про дочь.

28 апреля 1999 г.



Не выходит гордиться веком,
человеком, своей страной.
Остаётся лишь дёргать веком —
непроморганную виной.

Как оценят потом потомки
эти сумерки, этот ад,
эти дьящиеся потёмки,
где безгрешный лишь виноват.

Сети рабства и революций,
вместо совести — ложь и спесь.
Здесь прощается лизоблюдство —
не прощается ум и честь.

Только как это всё убого,
как позорно оно уже!
Но в иконе всё ищут Бога —
нет взлелеивать бы в душе!

Потому и сегодня зверства,
потому развелось ворьё,
что мы слышим не ум и сердце,
а как чрево урчит своё.

Свет забрезжил в конце тоннеля.
А духовен ли этот свет?
Машем в «ящик»: — Мели, Емеля,
оснований гордиться нет!

23 декабря 1999 г.

Засуха

Земля горит, а я привет пишу —
тобой дышу, всё о тебе мечтаю,
к твоим ногам всю душу приношу.
А там без влаги зелень пропадает.

Такой неиссякаемый родник
судьба во мне открыла лишь однажды —
всем существом своим к нему приник
и пью, и пью, не утоляя жажды.

Оазис, сказка, сердцу рай земной —
цветы и птицы, и листва резная!
Волшебница, придуманная мной, —
всё это ты, которую не знаю.

Огромный мир мне был доселе пуст.
Он и сейчас — как пропасть — между нами.
И я тянусь, как виноградный куст
к воде сквозь камень тянется корнями.

Мне бы отвлечься — надо ж орошать!
Но мнится: не доверься я бумаге —
и выгорит дотла моя душа,
как зелень во дворе горит без влаги.

13 июня 2000 г.



Не отводи глаза! Мне их не доставало
так много лет и бесконечных зим.
Душа моя ложится пьедесталом,
но божество мы вместе водрузим.

Не отводи глаза! Мне нужно так немного.
И сбросит тяжесть, и задышит грудь.
Не отводи! — одни они помогут
мне веру в нежность женскую вернуть.

Не отводи глаза! Ответа на вопросы
всё ждёт во мне — роняет сердце кровь.
И ангелы слетаются, как осы,
назойливо востребуя любовь.

Не отводи глаза! Ведь я своих не прячу.
Пусть запоют — пусть кличут к алтарю!
...Но что ж они не молятся, а плачут?
Я слышу их... И плачу... Но смотрю.

17 июля 2000 г.



Я стронул шар и пыль повисла сзади —
душа прорвала сети бытия.
Не вниз, а вверх пошёл я на глассаде —
простор в глаза! Недосягаем я.

Плевал на путы — превращаюсь в точку.
Дрянь, от винта! Архангелы, от крыл!
Велосипедом за день в одиночку
120 миль я всё-таки покрыл.

И вот, когда жара пошла на убыль,
знакомый запах пронизал простор —
простёр свои кварталы Мариуполь,
как женщина объятия, простёр.

Назавтра — волны, чайки и причалы, —
возвраты в детство из небытия.
Но завтра — завтра! А сейчас печалит
совсем не то, зачем приехал я.

Прохладный ветер убаюкал ветки,
а я у звёзд покой душе молю:
здесь полменя — здесь бродят тени предков.
Я помню всех. Не всех из них люблю.

18 июля 2000 г.



Я распахну глаза тебе навстречу —
хочу, чтоб отражалась только ты!
А ты мне руки поклади на плечи
и оторви от этой суеты.

Мы улетим от веры и от долга,
от смелых планов и пустых надежд
туда, где буду трепетно и долго
душой следить за вздрагиваньем вежд.

И голову доверь моим коленям,
от всех моих сомнений отреши
и отразись в душе без преломлений
через глаза, как зеркало души.

19 июля 2000 г.



Что мне делать с тобой, ясноокая дали?
Даже мысль о тебе для меня хороша.
Если б эти глаза хоть разок увидали —
заглянули в меня — как страдает душа!

Что мне делать с тобой, белокрылая лебедь?
Чем с руки покормить? Я всего лишь поэт.
Чем тебя обогреть? Руки виснут как плети.
Нищета и нужда. Даже имени нет.

Что мне делать с тобой, моя чистая дива?
Под венец бы тебя! Да терновый венец.
Вот и рвётся душа: как ответить правдиво,
что ж мне делать с тобой?!

...И с собой, наконец.

21 июля 2000 г.



Плетёт узор из вязких дней,
плетёт година злая...
А ты всё ближе, всё родней,
сама того не зная.

Ты — свет в окне, душа моя!
И как мне быть с душою?
И тяжело, как представлю я,
что станешь мне чужою.

И дело валится из рук —
лечу к тебе с приветом,
а ты, непосвящённый друг,
не ведаешь об этом.

И я гляжу, гляжу в окно...
И думаю, часами.
И лишь вишнёвое вино
тогда меня спасает.

Но всё равно, спасенья нет —
я всё тоской терзаем:
на мой привет каков ответ —
ни ты, ни я не знаем.

Сомнений — как воды в реке! —
сколь мыслью ни усердствуй...
Но плачет где-то вдалеке
похищенное сердце.

Услышь! Сомненья разреши!
В глазах померкло лето.
А как без сердца, без души?
На это ж нет ответа.

24 июля 2000 г.

Что такое «хорошо» и что такое «плохо»

До капли выцедил вино
и жизнь пошла сначала —
когда в упор увидел дно,
так сразу полегчало.

Ведь там, на дне, такой отстой,
что и выдавший виды
живот становится пустой,
а грудь полна обиды.

Вон с соскою малец пошёл.
Спроси — ответит кроха:
— Бутылка — это хорошо,
а дно — конечно, плохо.

На свете истина — одна.
А что в вине — тем паче.
Вон — кашу высосал до дна,
увидел дно — и плачет.

Но я-то сосунок большой —
не разводить же слякоть!
Хоть ни копейки за душой.
И некому поплакать.

25 июля 2000 г.

Я придумал тебя

Я придумал тебя в тот нечаянный вечер,
долгожданный, как сон, как судьба, как весна.
Но я видел глаза! И улыбку, и плечи...
И короткая ночь пролетела без сна.

Я придумал тебя — ты, наверно, другая...
— Я придумал тебя! — чуть не криком кричу.
Но другую тебя я почти что не знаю,
а, вернее, другою и знать не хочу.

Я придумал тебя — не могло быть иначе:
слишком долго душа оставалась одна —
вот и молится вновь, и смеётся, и плачет, —
так устроены мы и не наша вина.

Не из духа, как Бог, и адамовых рёбер —
я тебя создавал из любви и мечты!
Вот и вышла ты слишком небесною вроде...
Всё же лучшей придумкой моей стала ты.

Я тебя создавал, лишь с богами сличая, —
я хотел, чтобы ты излучала тепло.
Я придумал тебя, ореолом венчая, —
развенчание было бы так тяжело.

Я придумал тебя... Но душа так устала —
увидала тебя как звезду, как зарю!
Только — Богом молю! — не сходи с пьедестала —
на такую тебя чуть ещё посмотрю.

25 июля 2000 г.

Он мне сказал...

(дружеский заказ на детскую песню)

Он мне сказал: — Давно мечтаю я —
при том, что мы дошкольные друзья,
чтоб поскорей — хоть эту весной —
с тобой мы стали мужем и женой.

А у меня самой мечта была —
я дома протирала зеркала
и думала: — Когда ж я подрасту?
Хотя бы как Мадонна в высоту...

Но только он такое мне сказал,
так в классе был ужаснейший скандал:
и мам повызывали, и отцов, —
и нам сказали много добрых слов.

Я маму убеждала: — Посмотри —
ведь у него лишь физкультура «три»...
А мама всё пыталась доказать,
что ей пока совсем не нужен зять.

А папа говорит: — Что за дела!..
Как раз бы ты мне внука родила!
И знаешь, как бы было хорошо —
он к выпускному б в первый класс пошёл...

И я сказала другу: — Ты прости!
Я всё-таки решила подрасти.
Ты только сохрани свою мечту!
Ты подожди — я быстро подрасту.

26 июля 2000 г.



Август. День и ночь полощет дождь.
Лишь калина в гроздьях — как в огне.
Ты уже, наверное, не ждёшь
никаких известий обо мне.

Может, ты и раньше не ждала —
и четыре месяца назад?
А она цвела — белым бела! —
тонкий источая аромат.

И напоминала мне тебя
этим цветом, этой белизной.
Пролетая, журавли трубят —
лишь она одна сейчас со мной.

Я был нежен к ней — ко мне она.
Каждый трудный день и тяжкий час
выручала эта глубина —
сколько передумано о нас!

Снова тянет веточки ко мне.
А сама зажглась — горит огнём.
Почему она сейчас в огне,
знаем с нею только мы вдвоём.

Мы вдвоём, но я тобой живу,
о тебе мечтаю вновь и вновь...
А калина ягоды в траву
на ветру роняет... Слёзы?.. Кровь?..

28 августа 2000 г.



В холодном доме в тусклой пустоте
лежу один, болящ и обезножен, —
судьбой распят — сын божий на кресте! —
без злобных слёз приемлю волю божью.

Давно промяла мне бока кровать —
придавлен к небу я своей кроватью! —
и не могу без ропота принять
такого вот лежачего распятия.

Прощу судьбу, звезду свою прощу...
Но ждёт меня моя стезя земная.
И я, пронизан болью, всё ропщу...
Но всё-таки небес не проклинаяю.

Не скоро мне по рытвинам плясать...
Который раз мне этот крест ниспослан...
Но разве тот проклянет небеса,
кто видел близко трепетные звёзды?

21 октября 2000 г.

Поэту

Прими его как Божью данность,
как порученье, благодать,
открытое тобой нежданно
твоё умение страдать.

Когда страдаешь — тяжело дышишь:
страданий не вмещает грудь.
Но слог твой прост и не напыщен —
ведь пишется не как-нибудь.

А пишешь — жизнь не так убога
и смысл у дня совсем иной,
и лишь на миг сравнившись с Богом,
не думаешь, что ты изгой.

Судьба сплетёт клубок гонений —
душа выпутывает нить
и молится тогда, как гений, —
чтоб жизнь в страданьи не винить.

22 октября 2000 г.

(Шаровая опора на задней подвеске)

Раненый зверь — отлежаться бы надо:
боль такова, что звезда не видна.
Жизнь — это чаша бездонная с ядом, —
жизни не хватит, чтоб выпить до дна.

22 октября 2000 г.



Мечтал — полегчает, а демоны — вот оне!
И знаете, милая, чуть не погиб-с...
Лежу в одеяле, как куколка в коконе,
и небо хвалю: — Слава богу, не гипс!

Но всё же прикован, как будто припадочный, —
таким неподвижным я быть не хочу.
И Бога молю, чтобы выпорхнуть бабочкой.
А Вас попрошу: — Погасите свечу!

26 октября 2000 г.

Распорядок дня

Я Ваня — первоклассник,
прилежный ученик.
Послали в школу — здарсьте! —
а я-то не привык.

В 6.40, не проснувшись,
зарядкою займусь
и не водой, а лучше
слезою обольюсь.

Потом, постель заправив,
помучаю еду.
В 7.30 собираюсь —
как на беду бреду.

Потом верчусь за партой —
почти что час урок!
Я весь урок на старте —
не прозевать звонок.

Дружу со всеми в классе,
обида не таю,
но если лезут — сразу
по шее надаю.

Наталья Николавна
уроки задаёт —
без них так было славно:
гулял я круглый год.

Но вот звонок последний.
Как дома хорошо!
А мама из передней:
— Чего так долго шёл?

Когда ты поумнеешь?!
Ну что это за жизнь?!
Обедай — и быстрее
уроками займись!..

...Когда я поумнею?..
И молча я сижу —
пока не потемнеет,
на улицу гляжу.

Сижу я невесёлый —
и мысль всего одна:
кто не дорос до школы,
гуляет допоздна.

11 ноября 2000 г.



День был сер, как заношенный плащ.
День был хмур, как помятые брюки.
Небо рушило стонущий плач
на деревьев озябшие руки.

Без любви сердцу трудно дышать.
И по серому белому свету
бесприютно носилась душа —
без тепла, без просвета-привета.

Декабрь 2000 г.



Не нужно праздничной истомы —
с кем надо встретимся потом.
Я в праздник ухожу из дома
в любой, хоть чуть желанный, дом.

Я нахожу себе дорогу
в просветах туч, в просветах дня
от всех — и многих, и немногих —
кто в будни не искал меня.

Не хоронюсь от всех в овраге,
но — там сегодня, где я сам:
я сердце отдаю бумаге,
а душу — только небесам.

Давно я в трудной, но системе.
И жив пока — ещё терплю.
Но в праздники я только с теми,
кого лишь искренне люблю.

2 января 2001 г.

Новогодний плач

За праздники измучишь тело —
что и не чувствуешь своим.
Не стопкой бы оно вертело!
А то душе так трудно с ним.

Не Новый год, а просто пытка:
под стимуляторы творю —
мой плач на две недели выткан
(по старому календарю).

А сам не знаешь — что там завтра?
И как суметь продолжить путь?
Нашлась бы мне моя Кассандра —
хоть предсказала б что-нибудь...

В стихах себе могилу рою
и сам свечусь, как херувим.
Ведь не Кассандры губят Трои,
и не они сгубили Рим.

Растолковала б этот ад мой —
пусть лабиринт — кого винить?
Тогда искал бы Ариадну —
спросить, не кончилась ли нить?

Ведь от еды воротишь рыло.
И море — по колено нам!
А всё таскает, как ветрило
без кормчего, да по волнам.

И всё никак не укачает.
Скорей бы выдыхался яд!..
Как подождённая свеча я:
стихи идут — дела стоят.

2 января 2001 г.



Одиночество — источник величия.
Древний Восток

*Если бы от этого было хоть
чуть-чуть легче!* **Автор**

С генетикой бороться трудно.
И бесполезно — силы где ж? —
когда услышишь голос трубный:
— Налей же чарку и заешь!..

Но первая проходит тяжко.
Ты сокращаешь путь к второй,
роняя капли на рубашку.
А мыслей — сразу целый рой!

Оптимистичные такие...
Полны надежды наконец —
что ждут тебя в объятья Киев,
Москва и Питер, и Донецк...

И ты уже безмерно счастлив,
очередную пригубя, —
ведь так случается не часто,
что ждут тебя и ждут — любя!

Но ты один в ночи бессонной,
ты да вот эти «грамм пятьсот» —
и эхо собственные стоны
тебе в подарок всё несёт.

Да дым — как будто курят ладан! —
противнее, но смысл всё тот.
И — где душа, где стимулятор —
сам чёрт уже не разберёт.

Ты откликаешься на боли,
ты сердце рвёшь чужой бедой...
А изменить себя не волен
по той причине по простой,

что трудно изменить природу —
трудней, чем сдвинуть ось Земли.
...Но лучше б выстроили роту
и приказали роте: — Пли!!!

2 января 2001 г.



Да я б как конь ушами прядал,
чтоб всё здесь было по уму,
чтоб только навести порядок
в моём заброшенном доме.

Как бык бы упирался рогом —
ведь тело негде приютить! —
чтоб этот дом, забытый Богом,
хотя б в жилище превратить.

Но я, на части раздираем,
гляжу с сомнением на него:
я б этот хаос сделал раем —
я знаю как, но — для кого?

И дело не в ремонте зданий —
в проблему глубже посмотри —
тот ад, тот хаос первозданный,
он не вокруг нас — он внутри.

2 января 2001 г.



Что не сложилось, то мечталось,
бальзам на раны мне струя.
Но часто дикая усталость
вползала в душу, как змея.

И холодила, и мертвила,
и добавляла яд к мечте —
как будто поднятый на вилы
или распятый на кресте.

И что бы я тогда ни делал,
но погасал и свет в окне.
...А где-то фея с тёплым телом
тихонько плакала по мне.

Но вот когда, надежды руша,
тоска держала на краю,
поэзия спасала душу —
её, бессмертную мою.

И ясным, яростным накалом
одна она светила мне!..
И где-то фея засыпала.
И улыбалась в полусне.

2 января 2001 г.



О чём же, друг ты мой, молчишь?
Мне эта жизнь — как будто небыль.
Я жив, но улетел: как стриж,
я простригаю только небо.

Не спрашивай меня о том,
в чём сам я болен и непрочен...
Поплачется о том потом...
И пусть поплачется не очень.

Я болен жизнью. Но жалел...
Я выхода искал от стужи...
Но мой предел — есть мой удел.
Я сам себе тогда не нужен!

Не упрекаю никого.
И ты в упрёках не усердствуй.
От напряженья моего
ничьё не разорвётся сердце.

Но напряженья не забудь —
у нас так много за плечами!
Когда-нибудь сожмётся грудь —
поплачь и вспомни. Полегчает!

6 января 2001 г.

Не гони, ялицик!

Не рви, не насилуй мотор —
пусть щётки стекло прометут...
Там ждут это пойло и торт —
меня там не очень-то ждут.

«Всё было лишь боль и обман...»
Не жалко вчерашнего дня.
Когда-нибудь этот туман
навек поглотит меня.

Мне некуда больше спешить —
хоть плачься, хоть криком кричи...
Включи что-нибудь для души...
Звездинского, что ли, включи...

Там будет несправедный суд —
слова, словно брага со дна.
...Куда ж меня черти несут?
Ведь там только мука одна.

Ведь я — сам себе господин.
Зачем же? Не стоит туда!
Устал я, братишка, один,
устал я... А это — беда.

Опять у меня в горле ком.
... Как будто под нож палачу!..
Давай-ка назад! С ветерком.
Давай — с ветерком! Заплачу.

7 января 2001 г.



Опять шагами землю меришь...
К какой невидимой черте?
В какой необъяснимой вере,
неколебимой правоте?

Идёшь — беременный стихами.
В кармане же — сплошной дефолт.
Один, как волк на издыханьи,
израненный, усталый волк.

Где для тебя постель согрета?..
где для тебя горит очаг?..
Оставшаяся сигарета.
И искры меркнут на плечах.

Идёшь, чужою болен болью.
Согрет всемирною тоской.
И изменить свой путь не волен,
свой путь, настолько непростой.

И ты идёшь. В туман и в стужу.
И в ветер ты идёшь, и в дождь.
Твой голос криком пересушен.
Но почему-то ты идёшь.

И стон роняешь на дорогу.
Но взглядом обращён к звезде,
скорее, это путь не к Богу...
Наверно, это путь к себе...

В мозгу — вселенские вопросы,
в душе — вселенские мечты...
Идёт поэт! Погрязший в прозе,
погрязший в прозе нищеты.

10 января 2001 г.



Свети своим неярким светом,
не угасая никогда,
свети скитальцам и поэтам,
моя далёкая звезда!

Я шёл к тебе кромешной ночью.
И как встревоженно я шёл!
И этой ночью я воочью
твой дивный видел ореол.

Свети вовеки, не сгорая,
ориентиром будь в пути!
На свете не бывает рая.
Но нам без света не дойти.

Пусть солнце кормит, солнце греет...
Но и сжигает иногда.
Загадочней ты, но добрее,
недостижимая звезда.

Под небо подставляем плечи
лишь потому, что звёзды есть...
Но упадёшь — мне станет легче:
ведь без тебя зачем я здесь?

10 января 2001 г.

Записка из мёрзлого дома

Как кол осиновый в могилу
себе самим собой забит —
так я, приморенный и хилый,
забит в свой невозможный быт.
То роешься — гельминт в сортире! —
в напрасных поисках еды,
то нету жидкостей в квартире —
сюда бы хоть простой воды!
То света нет на целый вечер —
аж лай на улице затих! —
откуда в этом доме свечи? —
во мраке выноси святых!
То разгребаешь этот мусор —
вовек не разгрести всего!
А если подступилась муза,
тогда вообще не до него —
зависнешь мухой в паутине.
Не видно света — дым стеной!
То целый день без никотина —
исходишь липкою слюной.
И без конца — не то, так это.
А мозг аж ломит от идей!..
...Но никакого же просвета!
... А нет бы так, как у людей...
Чтоб хоть какой-нибудь порядок,
покой какой-то для души...
Ведь если так, да если кряду,
то можно ль в этом доме жить?
А ветер как прижмёт восточный,
как раз тебе в разгар зимы —
срываешься — хоть днём, хоть ночью, —
бежишь, как будто из тюрьмы.
Хотя б ну как-нибудь иначе!..
Но тут, глядишь, стакан вина...

А раз проблему обозначил —
она почти что решена.
А решена, то полегчало.
(Хоть в доме пыль да мусор сплошь...)
И всё опять пошло сначала.
И муза! Словно к горлу нож.

11 января 2001 г.



Опять иду я опечален.
Опять иду — не вижу дня.
Опять фортуна не встречает
улыбкой радостной меня.

Бреду — переставляю ноги.
И всё не нахожу ответ.
Не знаю — там, в конце дороги,
забрезжит хоть какой-то свет?

Иду — как будто на прогулке:
жизнь не сверяю по часам.
А сердце бьётся трудно, гулко.
Ведь я не верю чудесам!

Не плачу и не проклинаяю.
Рукой не потираю лба.
Но хоть на чуточку иная
досталась в жизни бы судьба!

Достойным радости не признан.
И всё нутро моё в огне.
И то, что звалось волей к жизни,
сейчас отсутствует во мне.

11 января 2001 г.



Хотелось бы как можно лучше
на этот Старый Новый год...
Но вот какой нескладный случай —
выходит всё наоборот:

не будет песен под гитару
и чуткого лица анфас...
Но жаль — не будет и подарка,
что жил тогда в глазах у Вас.

12 января 2001 г.



А как я рвался и метался —
подранок, а не человек!
Но за плечами он остался,
безжалостный двадцатый век.

Не стал мой позвоночник хордой —
не падал в ноги я судьбе.
Мы в небо, я и ангел гордый,
прокладывали путь себе.

А небо — словно из металла.
Был труден этот путь во мгле:
душа за ангелом летала,
а сердце билось на земле.

Вот вымогатель — двадцать первый
уже шагает по стране —
и рвутся и сердца, и нервы:
стон в перетянутой струне.

И дни текут. Но не рекою,
а струйкой крови по мечу.
Ни отдыха и ни покоя —
опять, как загнанный, мечусь.

И мало воздуха и света.
И где немолчный детский гам?
Не легче стало жить поэтам.
И трудно вниз смотреть богам.

12 января 2001 г.



Не живу я как будто вроде —
надо всё начинать с нуля:
мозоли от гитары — сходят.
Я тоскую по мозолям.

Если б горько — ещё и пресно:
нет и повода, чтоб сложить
за два месяца светлой песни.
А зачем же тогда и жить?

13 января 2001 г.



Часы мои стоят неделю.
И стрелки циферблат не трут,
и жизнь мою никто не делит
на день и ночь, на сон и труд.

И Хроносу я не подвластен.
Ну, организм, теперь держись!
Ведь так работать — это счастье.
...Но, правда, задрожала жизнь.

13 января 2001 г.



Ощущения не лживы
(вы проверьте и свои) —
снова я чешусь, как вшивый, —
стресс какой-то предстоит...
Непогода ли с восхода...
С химзавода ли струя...
Вот оно, стучит у входа —
это милая моя!

13 января 2001 г.

1 -А * зима 2000 – 2001 г.



И полдня не минуло, а в комнате сумрак.
Солнца больше не будет. И звёзды — потом.
Но в тяжёлые дни потому и не умер,
что он есть на земле, неподсолнечный дом.

В нём бывало... бывало... И многое будет.
Жили здесь до меня. И ещё поживут.
Беззащитен и сер. Иногда беспробуден.
Здесь хватало святых и хватало Иуд.

Мимо окон идёт королева — как кляча:
путь — он весь на лице — он тяжёл и убог.
Только чем ей помочь? И желаю удачи:
хоть не верю в богов — пусть поможет ей Бог!

Здесь привычно мне всё, всё до боли знакомо,
здесь тревожит и радует каждый пустяк.
Только трудно душе — всё равно я не дома.
Даже солнце из окон уходит не так.

19 февраля 2001 г.

* Адрес дома. В тот период, когда у Клепикова не было в доме ни воды, ни электроэнергии, ни отопления, он жил в пустующей квартире своего друга.



Друг мой печальный, о жизни не спрашивай:
не было жизни — и это не жизнь.
Всё не по-моему. Всё не по-нашему.
Щепка... Пылинка... Как хочешь, держись.

С Дьяволом Бог всё глядят испытующе:
выдержит лоб этот спор со стеной?
«Жизнь — это миг между прошлым и будущим», —
в песенке сказано было одной.

Миг затянулся. Хоть многое прожито,
жизни не видел — и смерть не берёт...
Слишком уж много досталось из прошлого...
В том-то и счастье — не знать наперёд.

Прошлым своим мы пожизненно связаны.
Было мне чуть не с младенческих дней
счастье весёлой цыганкой предсказано.
Да и тогда не поверил я ей.

Но так устроены мы: что бы ни было,
всё же чего-то хорошего ждёшь
и забываешь — надежды-то мнимые...
Но хоть не знаешь, когда упадёшь.

19 февраля 2001 г.

Дом

Дом мой родимый, прости меня, грешного,
что бросаю вот так одного.
Я измотан, истерзан по-прежнему,
я устал от себя самого.

Жизнь — спектакль, а вернее — комедия.
Устаём мы от наших ролей.
Боги много ли счастья наметили,
что не выпало нам в феврале!

Мы пожили с тобою, не вздорили.
Постарел ты, и я не юнец..
Был бы в нашей печальной истории
хоть какой-то приглядный конец.

Нам с тобой оклематься, прибраться бы..
Оставляю — прости меня, брат!
Только ветра набег пиратские
в запылённые окна гудят.

Путь под ноги безрадостно стелется.
Я усталый, и брошенный ты..
Ухожу. И шальная метелица
заметает за мною следы.

25 февраля 2001 г.



Постпраздничная пустота,
надежд безвкусная полова
там, где вчера жила мечта,
когда был феей обцелован.

Печально дышат зеркала.
Как в памяти ни берегу я,
но сказка с праздником ушла.
И надо сочинять другую.

Задача вроде бы проста:
вопрос способностей и веры.
Но пустота есть пустота:
она рождает лишь химеры.

И в пустоте искать слова —
что может быть ещё глупее?
Напрасно пухнешь, голова, —
ведь сказка грустная без феи.

9 марта 2001 г.



Я б позвонил тебе, славная...
Я б говорил с тобой, нежная...
Видимо, в жизни не главное —
эта метелица снежная.

Я истерзался в раздумиях,
сердце измёрзлось в сомнениях, —
в вешней улыбке найду ли я
стылому успокоение?

Рвётся душа — полетела бы
вслед за клубистой порошею!
Только метель оголтелая
крылья корёжит замёрзшие.

Только бы почки не лопнули —
вот прилечу, но увижу ли,
как осыпается хлопьями
майский пылающий вишенник?

Я бы звонил тебе, славная!
Всё б говорил с тобой, нежная!
Но затуманила главное
эта метелица снежная.

10 марта 2001 г.



Как горький вздох, как тяжкий сон,
как нож тупой у брадобрея,
как парус, ветром унесён, —
никак судьба не пообреет.

То вздох, то ураган, то нож —
не сердце, а в горсти синица.
Попробуй что-то подытожь —
как будто не живёшь, а снится.

10 марта 2001 г.

Женский день

Сошли снега. Прошли морозы.
Весна! А я всё одинок.
Не я тебе дарил мимозу
в тот ясный мартовский денёк.

Сегодня дождик с крыши плачет
и ветерок скулит в трубе...
Но думаю, что не иначе
как нынче я приснюсь тебе:

устроена душа поэта
совсем не по календарю —
и завтра будет праздник света!
Его тебе я подарю.

14 марта 2001 г.

Эх!

Друг завёл себе жену —
хороша!.. Воркуют...
Дай и я себе прильну! —
и завёл такую ж.

Эх, любимая жена, —
бигуди да маты!
Злой тоской поражена
от моей зарплаты.

Эх, детишки вы мои —
ОРЗ да сопли...
Меньший воев в две струи,
дочка — суше воблы.

Эх, мои вы старики —
стоны да болячки...
Отдохнуть вам не с руки —
до конца ишачить.

Эх, великая страна —
флаг для смеху воткнут! —
как жена потрясена —
не тоской, так водкой.

Говорят — мы всех шустрей;
но уже — по слухам —
в зоопарке нет зверей:
пауки да мухи.

Но хоть я и тёще зять
(дочь куда же деть им?) —
вздёрнусь! ...А кого сосать? —
старики да дети.

Понимай любой дурак —
города и хаты:
— Всё, — сказал Поэт, — не так,
всё не так, ребята!

апрель 2001 г.



Что я в генах вынес из эпох,
что в крови досталось мне от предков, —
что так часто сам себе я плох
и так мало рад себе, так редко?

Но сегодня случай мне помог:
Вы меня в людской толпе узнали!
Нынче я — любовь, а значит — Бог!
... Что же Вы не молитесь, родная?

апрель 2001 г.



Вы сегодня сдержанны — на Вы нас!
Видно, мне не светит ни рожна:
я Вам душу отдаю — на вынос! —
Вам она и даром не нужна!

апрель 2001 г.

Баллада о несостоявшейся встрече

Я две ночи не спал, дни сумбурно текли, —
на седьмой мне этаж — как на сотый.
Но себя оторвал от промёрзшей земли —
по плечу нам и эти высоты.

И открыла она — оборвалось в груди
и запрыгало сердце как мячик.
А она мне так просто: — Пришёл!.. Заходи.
Проходи. Что в проёме маячить!..

Тут хоть шторы закрой и завесь зеркала —
у соседей отборные маты!
А она преспокойненько в спальню прошла —
было видно — поправить помаду.

Я бы к ней, королеве, просился в пажу!
Хоть предстать не хотелось и грубым,
но пришёл я себя предложить, чтоб пожить.
А потом целовал её в губы —

просто глянул в глаза и приблизил лицо,
а она не сказала: — Не надо!..
Видно, ждали меня... Вот и дело с концом —
вмиг слизал всю губную помаду.

Я стихи ей читал, чуть не пел их с листа, —
как-то быстро обвыклись мы с нею.
Оказалось, что губы, вернее, уста
без помады гораздо вкуснее.

Наконец-то и руки, и плечи её
без прикрытья, без платя и шали,
проникали в сознание и в тело моё..
И соседи уже не мешали!

Я пришёл к ней — как будто пришёл я домой,
хоть до этого где только не был.
Я и шёл-то всего на этаж, на седьмой,
а попал на седьмое, но небо.

Мне с ней было легко, отогрелся я с ней —
уходить никуда не хочу-то.
И она — всех желанней, всех ближе, родней!..
Но... исчезли богиня и чудо.

Я ищу этот дом, где был этот этаж.
И её я не видел воочью, —
оказалось — всё сон, оказалось — мираж:
всё пригрезилось прошлой ночью.

И при свете дневном я тоскою объят...
И кому ж я стихи почитаю?
Где же фея моя? Где вот так вот опять
я душой отогреюсь, оттаю?

Может, тужит по мне — хоть ищи днём с огнём!
Может, ждёт — за морями, лесами...
Может, прячет лицо, чтоб помаду на нём
без меня как-нибудь не слизали...

4 апреля 2001 г.



Не грешил я особенно водкой —
не закусывал в этом удил,
но — как шарик воздушный, я проткнут —
будто шут на арене чудил.

Напрягу дня на три тело зельем,
дня на три — ведь всего ничего!
Но моральное всё же похмелье
мне терпеть тяжелее всего.

Эти дни я хоть зря не теряю —
добавляются ж сразу стихи! —
но страдаю — не видеть мне рая! —
будто это большие грехи.

Только как тут ни плачься, ни сетуй, —
ощущенье — как с тяжкого сна, —
ведь весна разгулялась по свету —
раззвенелась по свету весна!

И душа наполняется болью —
сколько их мне отмерено, дней?
И разорван я между любовью,
между нею и скорбью о ней.

И пишу — как грешу: всё страдаю
о какой-то предвзятой вине...
Где ж ты, радость моя золотая?..
Вот тоску утопить бы в вине!

Было дело — топил. Так не тонет!
Вся в душе, но толкает на дно.
Хорошо хоть, что не гипертоник, —
утопила б, наверно, давно.

4 апреля 2001 г.

Муза

Как ревнива! Как неумолима!
Хоть и не найдёт уже верней.
Знает, стерва, знает, что любима...
Горе с ней: чтоб радость — только с ней!

Ведь порою — силы все иссякли,
но — где хочешь — вынь ей да положь!
Отдавайся до последней капли
и гляди — не промелькнула б ложь!

А откуда — ей какое дело! —
но люби за совесть, не за страх, —
с ней забудешь, как трепещет тело
женское послушное в руках.

С ней мы словно в связи незаконной:
только спать наладишься, затих, —
ночь-полночь — пришла! — снимай иконы
(если есть!) и выноси святых.

И пошло-поехало... При свете!
Без прелюдий нежных — напрямик.
Что забавно и печально в этом —
что и я за столько лет привык.

Раньше, было, медлит до зевоты.
По неделе не с кем — как немой.
Нынче — утром! — в дверь её проводишь, —
лезет в окна — как к себе домой!

Но чтоб всё духовно — и не ниже!
Хоть и всё кругом — какой-то бред.
Показал концовкой жизни Ницше:
если не любовь, а страсть — себе во вред.

А она всё спрашивает строже.
Выездка! — я лошадь на ремне.
И уже не знаю — что дороже,
жизнь или садистка эта мне!

Правда, без любви не оставляет —
много было сладостных минут!
Если очень занят — загуляет,
выпил с горя — сразу тут как тут.

Всё же — ненасытная обуза:
что б ни ночи без неё, ни дня!
...Раньше срока в гроб загонишь, муза,
непомерной верностью меня.

8 апреля 2001 г.

Весенние перебои

(настырная геофизика)

То завёлся я с полоборота,
то завис в тишине золотой...
В механизме разладилось что-то —
словно топливо влили с водой.

Там ведь праздник святой — вербу святят! —
приведут себя в радость винцом...
Ну а ты тут — с креста словно снятый,
с перекошенным бродишь лицом.

Не встречайся, богиня земная!
И улыбкой к себе не зови! —
как и чем я отвечу — не знаю:
и мечтать не хочу о любви.

8 апреля 2001 г.

Метеозависимость

День. Невнятная погода.
Ветерок — чуть-чуть с восхода.
Солнце — вроде бы спокойней всех светил.
Только тяжко мне, неловко —
у меня внутри поломка, —
целый день я той поломке посвятил.

Люди нынче святят вербу —
я ж верчусь как пёс неверный,
одичавший и издёрганный от блох.
Я у Бога был бы первым,
но сейчас — сплошные нервы:
ни в себе, ни из себя — уж очень плох.

После всех манипуляций
я устал от апелляций:
— Если Бог, то хоть бы чем-то мне помог!..
И зачем богов бояться,
если вам и черти снятся, —
не сдержался — обложил его как мог.

Ад по мне, конечно, плачет —
ну а как ещё иначе,
коль внутри тебя завёлся крокодил?
Я ж не знал, что всё потрачу, —
хоть немного б, но значил, —
я б его не усыпил, а утопил!

Только мне не пофартило —
и воюю с крокодилом,
будто я не на диване, а в аду —
целый день! Уже светило
к горизонту подкатило...
Если там, в аду, как здесь — не пропаду!

А животное серчало,
всё ворочалось, урчало, —
крокодил, он, где бы ни был — крокодил!
Я все действия — сначала...
Вдруг... взяло и полегчало!
Я к порогу — дело дождик разрядил.

Вот и радуюсь с порога,
извиняюсь перед Богом:
мол, болело — кто вас с чёртом разберёт?
Отхожу я понемногу:
день потерян — не эпоха.
А эпоха без меня не пропадёт.

8 апреля 2001 г.

Женская просьба

Напишите для меня что-нибудь!
Для меня ещё никто не писал...
Мне хоть раз бы вольным ветром вздохнуть —
вместе с ним бы по лугам, по лесам!

В синем море — паруса, корабли,
страны, порты, города — наяву...
Я никак не оторвусь от земли —
всё как будто бы я сплю, не живу.

В синем небе облака так легки,
птицы белые куда-то летят...
Но земные рамки больно строги —
лишь душа летит за стаей да взгляд.

Я давно когда-то принца ждала —
он меня бы в светлый терем увёз...
Конь ли белый закусил удила
и понёс!.. Да, видно, мимо пронёс...

И ночами, под мерцанье светил,
и под солнцем среди ясного дня —
ах, какие б он стихи посвятил!
Он слагал бы их и пел для меня...

Иногда вся задрожу — не дышу, —
как дышать — и не вздохнуть! — сдавит грудь...
Напишите! — хоть о том, что — прошу...
Просто так... Но — для меня!.. Что-нибудь...

8 апреля 2001 г.



Некто сказал Сократу

Иногда бы — мясо, не коренья!
Иногда бы — эту, а не ту!
Хорошо, когда цветут деревья!
Иногда б — чтоб и душа в цвету!

Но деревья тоже отцветают —
пару дней ещё — и опадут.
А душа — чтоб вечно молодая:
всё опало — а она в цвету!

Всем своя пора! Хоть тот же лютик —
как хорош! — хотя и цвет пустой.
К сердцу путь лежит через желудок.
Иногда он очень непростой.

18 апреля 2001 г.



Дождь немолчный. Печальное чтиво.
И очки — некомплект: как лорнет.
Посмеялся б чему-то учтиво!
Посмеялся б — да повода нет.

И на сердце сырая погода,
да и с крыш — беспрерывно слеза...
Пролетели ненастных полгода.
Изумруд надевают леса.

Дождь пройдёт — будут бабочки, птицы,
будут пчёлы, трава и цветы!
Только что-то к нам не возвратится,
хоть и луч заблестит с высоты.

И пока эти травы в дубравах
не закроют ожившей листвы,
сердце носит как будто бы траур
по какой-то утрате — увы...

Пробуждение Земли — это чудо,
волшебство! Только я — как слепой...
Посмеяться беспечно б чему-то!
Но смеюсь над самим лишь собой.

19 апреля 2001 г.



Ветер вывернул тополь с корнями.
От чего ж содрогнулась душа?..
Он когда-то над юными нами
серебристой листвою шуршал.

Когда не было этой привычной
неизбывной щемящей тоски,
лёгким пухом, как прядью девичьей,
щекотал нам, играясь, виски.

Он тянулся стремительной кроной,
словно что-то увидел вдали, —
покатилась резная корона
по земле — под ногами, в пыли.

Он шептал нам про счастье простое...
Самому и дожить не пришлось.
Хоть бы смерть удалось принять стоя...
Нет! — лежит побеждённый колосс.

Не сдержала родимая почва.
Он лишён её — и онемел.
Слишком был он высоким и прочным —
он сгибаться всю жизнь не умел!

Он стоял здесь — как будто на страже
тех святынь, что хранила душа...
И над юностью новой, не нашей,
не звенеть ему и не шуршать.

Всем, до срока поверженным, плохо —
сок в изломах — как слёзы из глаз...
Может, так вот под ноги эпохе
время вырвет и выбросит нас.

19 апреля 2001 г.



Ты облаком по небу шла ко мне.
Должны мы были встретиться однажды.
Но я прикован — на костре, в огне! —
я ждал тебя, я умирал от жажды.

Когда прикованы — так суеверно ждём!
В душе пожары — адские, лихие...
Ты долети и обернись дождём —
утихомирь зловещую стихию.

Но облаку нет русла как реке.
И в ту — одну и ту ж — не вступишь дважды.
А ты... ты проплываешь вдалеке —
глядишь с небес, не утоляя жажды.

Ах, облака, пушинки-облака!
Когда горишь — и божий день не светел.
Ты, может быть, дождёшься ветерка,
но, прилетев, застанешь только пепел.

4 мая 2001 г.

Моя далёкая беда

Мосты ещё не сожжены —
я помню о тебе всегда —
и в час полночной тишины
в окно врывается звезда.

Распахиваю я глаза
и впитываю этот свет!
Жизнь будто катится назад,
когда тебя со мною нет.

Я небо резал, словно стриж —
пронзая дали и века!
Но ты, как божий лик, молчишь
и светишь мне издалека.

Мосты ещё не сожжены...
Прикосновением руки
очарованье тишины
с небес на землю привлеки!

При ясном солнце божьим днём
глаза закрою — и лечу.
И клокочу — горю огнём, —
и всё кричу — не замолчу.

Я голос чуткой тишины
хочу почувствовать в груди!
... Мосты ещё не сожжены...
Так снизойди же, снизойди!

5 мая 2001 г.



Сладку водочку попил —
словно раны окропил
травяным бальзамом —
и запел, заговорил, —
будто и не ранен был! —
всё о том, о самом.

А когда-то всё кричал:
— Где начало всех начал?!..
Но не полегчало.
Дашу снова повстречал,
поцелуем увенчал —
вот бы жить сначала!

Ах, как я б её любил!
На неё бы тратил пыл —
звал бы золотою! —
горе б в чарке не топил,
зельем раны не кропил,
как живой водою.

Эх, цыганка, нагадай
к сентябрю мне новый май
с яблоневым цветом!
Эх, браток, не проливай!
По каёмку наливай!
...Знаю сам об этом...

Облетели все цветы.
Погорели все мосты
на пути на длинном.
Поздно повстречалась ты —
дождь холодный с высоты
и горька калина!

13—14 мая 2001 г.

Рождение слова

Змей был силён — и осыпалось древо,
с плодами вместе падала листва...
А ты в глаза мне с жадностью смотрела,
в душе рождая жаркие слова.

Шёл первый снег и под ногами таял
как шёпот равнодушного «прости»...
В груди металось слово «золотая!» —
а я не мог его произнести.

Но снег всю зиму превращался в слякоть
и в ужас тяжких одиноких снов —
и мне порой уже хотелось плакать
от всех моих невысказанных слов.

И от печали обо всём об этом
я быть переставал самым собой...
А ты так долго мне была сюжетом,
но всё не становилась мне судьбой...

Но потеплело — и набухли почки,
предсказывая свет в моей судьбе.
Как радостно, светло и беспорочно
я думал о тебе и о себе!

И всё же я бессонными ночами,
когда уже и не хватало дня,
всё слов искал, способных о печали
так рассказать, чтоб поняли меня.

И вот взвихрились, заискрились снова, —
своим огнём уже меня губя...
И в том пожаре вызревало слово
«мечта!»... В которой не было тебя.

От ожиданий лучезарных майских,
забыв непредсказуемость твою,
на грани смерти я пишу романсы —
бессмертные романсы создаю.

16 — 18 мая 2001 г.



Как мне с тобой быть?
Быть мне или не быть?
Как мне тебя забыть?
Как без тебя быть?

Ты-то хоть как сама?
Можно сойти с ума!
Счастья — пуста сума.
А жизнь без тебя — тьма.

Божья за что мечь?
Крик я сплошной — весь:
где от тебя весть?
ты у меня есть?

Боль ты моя, грусть —
мир без тебя пуст.
Принял бы брань — пусть! —
но из твоих уст.

Враг ты мне или друг?
Сколько других вокруг!
Что же всё жду — вдруг?..
Яд — из твоих рук!

Я без тебя — слепой.
Криком кричи, пой —
не заменить любой...
Как же мне быть с тобой?

Будто с небес знак...
Ты — фейерверк в снах...
Всё без тебя — мрак.
Как мне с тобой? Как?

23 мая 2001 г.



Как без тебя быть,
если вот так в огне?
Пробовал и забыть —
не удалось мне.

Ангелы всё трубят —
копят в себе злость.
Как я глушил себя! —
тоже не удалось.

Год я живу так.
Сон мне — не сон — бред.
Жизнь для меня — мрак,
жизнь для меня — вред.

Как же тонка нить!
Шёпот из пустоты!
Пробовал заменить —
незаменима ты!

24 мая 2001 г.



Когда я очень рад — не верьте:
всё чаще думаю о смерти —
иду в слезах к ней как домой,
но, видно, это выход мой.

Не жду ответа я у лета —
весна давно уже пропета!
Что ж, бездну осени измерь...
А там и Свет! И это — Смерть.

25 мая 2001 г.

Тьма египетская

Лечу... лечу... — там тьма бездонная!
Лечу... — уже с какого дня!
А ты, беда моя бетонная,
стоишь и смотришь на меня...

Лечу — горю — я весь из пламени!
Не пожелаешь и врагу!
А ты стоишь — плотиной каменной!..
и ни слезинки, ни гу-гу...

Гранит!.. Хотя бы пальцем двинула!
Как Господа молю: люблю...
А ты стоишь, — плита могильная! —
ни звука... Хоть бы улю-лю!

Потомки, пепел мой поправите —
хоть в речку выбросьте его! —
чтоб я не видел этот памятник
в ногах бессмертья моего.

Из этой ледяной провидицы
слезу не выдавит иприт!
Скорее пирамида сдвинется.
Скорее сфинкс заговорит.

1 июня 2001 г.



В беде своей как в море плещешься...
Но где же пристань для души?
На тремпель бы себя за плечики —
чуть отряхнуть и просушить.

Куда несёт? К какому берегу?
Прибило б на какой-то плёс...
Волна покачивает бережно:
вода тяжёлая — от слёз.

Один по воле волн болтаешься —
и без руля, и без ветрил...
Остановить бы смертный танец мой —
хоть шторм какой-то бы накрыл!

Вода кругом, а жаждой мучишься —
с лихвой напился этих слёз.
И ни погоды, и ни случая,
чтоб кто-нибудь услышал «SOS!»

2 июня 2001 г.



Я уезжаю в одиночество
опять исполненный надежд —
ты б знала, как же мне не хочется!
Хоть словом ласковым утешь!

Но ты такая нынче вредная —
ты каждым жестом не моя!
Я уезжаю, но доеду ли —
ни Бог не знает и ни я.

Как лист, под ноги ветром брошенный, —
как вырванный из бытия!
Как будто гостем был непрошенным —
ты каждой жилкой не моя...

И что мне с этими надеждами —
одни надежды да мечты! —
ни слова и ни взгляда нежного
в дорогу мне не даришь ты.

И тяжело мне — будто грешником
иду на самый страшный суд —
там ночь, там дождь, там тьма кромешная, —
иду, а ноги не несут.

А ты, спокойная, радушная
и ироничная слегка,
ты остаёшься — лишь отдушиной
зиять в судьбе издалека.

И голова моя морочится —
мне поцелуя не посметь!
Я уезжаю в одиночество —
я еду будто бы на смерть.

26 июня 2001 г.



Воскнязили меня!.. Возграфили!..
Но отобрали все мечты...
И у меня — лишь фотографии
да волчий вой из пустоты.

А мне, поэту и оратаю,
сил не хватает так вот быть...
Во мрак иду, как в бездну падаю, —
опять страдать, а не любить.

Как будто небом обездоленный —
над головой набата медь...
Окаменеть от боли что ли мне?..
Но не дано окаменеть.

27 июня 2001 г.



Мне каждый день не по себе —
стихи, и те не радуют.
Всё б року моему сипеть!
О чём-таки он ратует?

Решил «дожать» до пьяных слёз?
Как кошка мышку мучает.
Да занялся б уже всерьёз —
у жизни хватит «случаев».

И так неосторожен я
к небрежности всевышнего —
тут и решишь судьба моя! —
глядишь, чего и вышло бы.

А то и корм-то не в коня,
и бог судьбой не жалует,
и черти к пропасти манят,
и жизнь — шалава шалая.

И, как душою ни криви,
изморит одиночество:
без женской ласки да любви —
и рок, и жить не хочется.

12 июля 2001 г.



Люблю. Но без летального исхода.
Устал я ежедневно помирать.
Но сердце жаждет женского ухода,
хотя никто нам не заменит мать.

Люблю любить. И рад такому чувству.
Не всё, не всех, но тех, кого люблю,
люблю всем сердцем — просто, безыскусно, —
и о любви в награду не молю.

Люблю теперь уже не так жестоко.
Ответную цену как благодать.
Иду я от фатального истока —
исхода не дано предугадать.

27 июля 2001 г.



Мне немного бы! — всё не по-моему...
Тут жара — я как рыба об лёд.
И судьба — то припахнет помоями,
то помои на голову льёт.

28 июля 2001 г.



Жизнь гоняет людей по планете...
Обо что разбиваются лбы!..
Но, до смерти, мы всё-таки дети.
...Кто у матери — кто у судьбы.

Июль 2001 г.



Всё лето смертная жара —
природа выгорела вся.
Глазам бы выгореть пора —
листья увядшие висят.

И сам уже иссушен весь:
живу — не замечаю дня.
Да где ж она, благая весть,
что хоть немного ждёшь меня?

Цветы, засохшие цветы —
всё, что осталось от весны.
Но у меня ещё есть ты —
ты мне расцвечиваешь сны.

Жара — по сердцу, по судьбе.
Но всё ещё чего-то ждём...
И я всё плачу по тебе
неиссякаемым дождём.

3 августа 2001 г.



В любой семье — привычки, нравы,
своя связующая нить...
Кто хоть немного счастлив, правы,
что это нужно сохранить —

свои обиды и обеты,
и кактуса кривую тень,
свои обеды в День Победы
и в день Мужской, и в Женский день.

И всё, что сказано «не это»,
и что не «не там», «не так» лежит,
и всё, что нажито и пето,
в семье всё всем принадлежит.

В семье всё делится на части —
заботы, хлеб... да и кино.
Но только неделимо счастье —
в семье на всех оно одно.

А тут и дочь выросла где-то.
Давным-давно затихла мать.
Наверно, мною всё пропето...
Чуть-чуть осталось дстонать.

9 августа 2001 г.



Душа гармонию искала —
вот почему печален стих.
Я кровью написал на скалах
о всех исканиях своих.

А всё не так — всё косо, криво...
Душа, на случай положишь!
Ведь жизнь судьбу мне перекрыла,
судьба ж — определила жизнь.

10 августа 2001 г.

Церковь

(на тихой улице открыли наркоточку)

Был когда-то Божий храм —
Бог присутствовал свирепо,
погромыхивало небо:
«Аки что-то аз воздам!»

А потом пошла разруха,
а потом пошёл бедлам, —
оказалось — развалюха,
только черти по углам.

Да и нынче что-то с богом —
нездоровится ему? —
словно нищий у порога,
как чужой в своём доме.

6 декабря 2001 г.



Оценил и вкус, и привкус —
век живи да век учись!

2001 г.

Обстановка

Нет у людей в домах воды.
Нет у людей в домах тепла.
Нет у людей в домах еды.
Как будет тут душа светла?

Бесплатен труд. Отравлен пруд.
Надежды кончились давно.
И люди детям слёзы трут
под зарубежное кино.

Здоровья нет. Покоя нет.
Друг к другу в сердце нет тепла.
А вот ещё погасят свет —
свети лампадку — ночь пришла.

Жизнь — словно на ветру лоза.
Одна оскомина во рту.
И выход лишь — залить глаза,
не видеть чтобы пустоту.

27 марта 2002 г.

Свободный дух

Примёрз — как мамонт в леднике.
Так те вообще почили в бозе.
А тут дрожишь в анабиозе
слезинкой жалобной в строке.

Заложник собственных идей
и пленник собственных свершений,
противник всех уничтожений,
бери фонарь — ищи людей!

Лишь никотин горчит во рту.
Куда стремишься ты напрасно?
Помочь в беде да сделать праздник.
И пеплом выпасть в пустоту...

Душа срывается в полёт
из праха ввысь неустрашимо
к вершинам, еле достижимым.
Но на вершинах тоже лёд.

Как обжигает этот лёд!
И, вечный холод не приемля,
душа спускается на землю.
А там её никто не ждёт.

Чуть подожит перо в руке —
и вот опять в нелепой позе
свободный дух в анабиозе
лежит как мамонт в леднике.

27 марта 2002 г.



Остановились все дела.
Одни пустые разговоры.
Друзья попрятали по норам
полуголодные тела.

«Что делать?» и... «Кто виноват?»
привычно обсуждают россы
свои любимые вопросы,
да сколько стоит киловатт.

Потом великая страна,
что так странна и так пространна,
прослушает с телеэкрана
прожжённого говоруна.

А там опять грызня одна:
ребята в галстуках и в теле
никак бескровно не поделят
всё то, что создала она.

Но минимальная у нас
уже превысила зарплата
по двадцать долларов на брата!
(Что у людей — всего за час.)

А если очень уж прижмёт, —
залил глаза — и вся недолга!
Всё вместе слить — так выйдет Волга
и Каспий — вспученный живот.

Лежи, спазмируй же мозги
себе дешёвым никотином
в грязи, рабочая скотина! —
где цель, когда не видно зги?

И полнят двадцать первый век
потомки древнего народа
лишь поколениями уродов
да недокормленных калек.

13 апреля 2002 г.



Вспомнишь прошлое — где же тот пыл?
Всё теперь поменялось местами.
Осени меня, светлая память! —
как я солнечный зайчик ловил,
как я маму живую любил...
Всё как будто случилось не с нами.

Всё как будто бы мимо прошло —
словно тучки на запад уплыли,
и быльём поросли эти были —
слишком много воды утекло...
Словно в пыльное смотришь стекло:
были страсти... но странно любили.

Ожидаешь от жизни привет —
сколько было неискренних, вспомни, —
реку слёз соберёшь с этой поймы!
Не она ль затмевает нам свет?
Кстати, — мамы давно уже нет.
Да и солнечный зайчик не пойман.

Счастья жалкие крохи ловлю —
как сквозь пальцы песок уплывает,
свет мелькнёт — не удержишь словами.
Жаль — обид я уже не терплю
и, как прежде, уже не люблю —
ведь любви без обид не бывает.

На закате последнего дня
не болезненны станут обиды, —
где последнею станет обитель,
вы лицом поверните меня,
чтоб уже никого не кляня,
солнца свет я бесслёзно увидел.

13 апреля 2002 г.



Из ничего сооруди
мечту душе и бодрость телу,
без дела чтобы не скудело
и было радостно в груди!

Для счастья сердце пробуди
и ум любимую работой
займи, чтоб стали все заботы
легки, а беды позади!

Чтоб ясным путь был впереди,
взгляд напои искристым светом!
Но только осторожней с этим —
глазам своим не навреди.

13 апреля 2002 г.

Любовь

Никуда от неё нам не деться —
ведь в себе нам её не избыть.
Кроме близких, взлелеявших с детства,
нам придётся ещё полюбить.

А она то терзает, то манит,
то пытается нас изменить,
то звездою, мелькнувшей в тумане,
нас обманет, чтоб нам изменить.

Но мы помним весенние грозы,
отблеск молний в любимых глазах
и надежды, и грёзы, и слёзы —
вечно грезим об этих слезах.

Всё мы помним ночную аллею
и всегда, хоть и сердце в крови,
страстно жаждем жалеть и лелеять
и любовь, и рождённых в любви.

Мы хотели бы муки разлуки
светлой радостью встреч заменить,
но судьбы торопливые руки
всё готовы порвать эту нить.

А она то диктует, то ропщет —
всё пытается солнце затмить.
И мечтать о любви много проще,
чем любить, безнадёжно любить.

14 апреля 2002 г.

Среди долины ровныя

Семя брошено в чистое поле —
как-то так уж сподобился Бог! —
и поднялся весёлый дубок,
рос себе безмятежно на воле.

А как вырос — шумнула молва:
— Что он там всё маячит без дела?! —
и железом по крепкому телу
так, что пылью опала листва.

От корней убежишь ты едва...
И пошёл он, распилен, по свету —
на гробы, на паркет, клозеты,
даже сучья — и те на дрова.

А была здесь и путнику тень,
зверю жёлудь, гнездовье для птицы...
Средь людей можно ль дубу родиться?
Глянь-ка в поле — торчит чёрный пенёк.

14 апреля 2002 г.



Не по себе мне одному
в последние два года стало —
хоть воля вольная уму,
но сердце-то не из металла.

И стонет бедное, оно,
не обогретое приветом —
в дар одиночество дано,
но некому сказать об этом.

Порой летишь, не чуя ног,
и забываешь, будто зомби, —
лишь тот, кто так же одинок,
тебя вполне понять способен.

Несёшь надежды и мечты —
уверен и открыт, и светел, —
но, видимо, таких, как ты,
не много есть на этом свете.

Не упрекая никого,
ни свойств людских, ни сил небесных,
стук сердца слышишь своего,
воспринимая дар как бездну.

18 апреля 2002 г.

Мусорник

Среди побитого стекла,
непохороненных пакетов
жизнь беспардонная — текла!
А вместе с нею — кровь поэтов

текла по жилам и из жил,
бурлила — в горле, на пороге, —
кто в сердце сказку не изжил,
тот вечно поперёк дороги.

Разгорячённая мечтой,
весенним солнцем, птичьим пеньем,
рождала звук!.. Простор пустой
ответом был на то кипенье.

А в безвоздушной пустоте
откуда же родиться эху?
Лишь к небесам лететь мечте —
здесь, на земле, она помеха.

Нет — миром правит не любовь!
И — пролиту! — с позволения Бога —
лишь пёс бездомный слижет кровь
на мусорнике сём убогом.

23 апреля 2002 г.

Печально чайка нам кричала *(Странный рейс)*

Корабль сорвался от причала —
земля ушла в один момент.
Качало. Чайка прокричала.
Но все надеялись сначала
на подходящий «happy end».

Сказали нам, что плыть недолго,
а приплывём — все заживём.
Но вот болтаемся без толку,
давно все злые, словно волки —
всё безотрадный окоём.

В кают-компании — потеха:
шампанское, коньяк с икрой.
А в нашем трюме не до смеха —
тут с голодухи б не «не отъехать»! —
всё каши, килечка — порой.

На камбузе толстеют коки.
На верхней палубе поют.
Ну а у нас — стафилококки.
И недоученные доки
дерут три шкуры за уют.

Заходим мы в чужие порты, —
так объяснил бы кто-нибудь! —
зачем же продувные морды
сгружают то, что для комфорта
мы собирали в этот путь?

Там слитки ценного металла,
меха, алмазы, инструмент...
Зачем же столько лет мотало?..
Печально чайка нам кричала, —
без «happy» будет этот «end».

8 мая 2002 г.



Я вышел из праха и духа,
я вышел из слёз и огня.
И звёзды на небе притухли,
впотьмах дожидаясь меня.

Я вышел из духа и праха,
я вышел, мечтою звеня.
Но если б родился в рубахе,
её бы сорвали с меня.

Такая досталась эпоха,
такие созвездья во мгле, —
наверно, и богу там плохо,
коль горестно так на земле.

Скажи мне, случайный прохожий,
хоть сам ты в каком-то бреду, —
за что я как будто без кожи
по белому свету иду?

Гремишь медным пестиком в ступе,
но сколько воды ни толки,
а дух твой сердцам не доступен,
а тело всё множит долги.

И если я песню завою,
то песня выходит такой
собачьей тоской мировую —
вселенской звериной тоской!

И звёзд не видать за слезами,
у духа всё меньше огня, —
лишь ветры нагого лизали,
во прах провожая меня.

8 мая 2002г.

Утро

Дымы из труб в середине мая.
Померкла дальняя звезда.
Вихляет улица хромая
из ниоткуда в никуда.

Особых смыслов не влагая
в дискретную свою звезду,
слепую улицу ругаю,
но всё-таки по ней иду.

Прохладным пафосом пронизан,
день проплывает кружева.
Но как проникнуть оптимизмом
надежду, что едва жива?

Вот так когда-то жизнь на сушу
плеснула шалая вода...
И я иду, спасая душу,
из ниоткуда в никуда.

9 мая 2002 г.

Свидание

Солнце село за крышами.
Воздух стынет и дремлет.
Ты сегодня возвышенна,
ты сегодня — царица.

Ты сомнений не ведаешь,
полыхаешь мечтою...
Горечь брошенной ветошью
затихает простоино.

А тебе не до этого —
вся ты — сказочный принцип:
ждёшь — от света наследного,
ясноликого принца.

Только зря тебе светится
ночь лучащимся знаком:
я изломанным месяцем
вырастаю из мрака.

21 мая 2002 г.

Молитва

Как снятый с креста лежу —
пытаюсь, на дождь, заснуть.
Мерещится сердцу жуть
и обручем давит грудь.

И трудно ему в груди,
и тесно, как в клетке, там.
Снаружи вода гудит,
по тёмным шумит листам.

Как будто избитый весь:
не тело — сплошная боль.
О, Боже, помилуй днесь —
от жизни меня уволь!

Избавь от глухой тоски,
от обруча, от клетки,
прости меня, отпусти —
пусть сердце моё летит.

Свободы от тела дай —
Ты ж видишь — не так живу!
Побыть бы меж птичьих стай
и камнем упасть в траву.

Обжётся бы солнцем я,
коснулся б звезды рукой...
неужто воля Твоя,
что я тут лежу такой?

Трещит моя голова —
ломаю с какого дня! —
какие найти слова,
чтоб Ты услышал меня?

14 июня 2002 г.



Я слышал этот голос, слышал! —
как будто тихий шелест крыл,
как будто он пролился свыше,
как будто ангел говорил.

Есть интонации на свете...
Такой чарующий окрас!
Как будто мягкий летний ветер
под сумерки ласкает вас.

Так говорилось — будто пелось.
Без музыки и звука без.
И гармоническая прелесть
на душу падала с небес.

Один лишь тембр. Не через уши.
Такие голоса разят —
как будто сразу слышишь душу,
как будто сразу видишь взгляд.

И ощущение такое,
что смысл не придаёшь словам —
так много неги и покоя
нечаянно досталось вам.

А сердцу сказано так много —
как будто протянули нить! —
что хочется поверить в Бога,
чтоб это чудо объяснить.

26 июля 2002 г.



Пожелай, моя родная, пожелай,
чтоб вернулся, как всегда, я в этот край.
Но сначала — чтоб дорога, как стрела,
от порога мимо бога пролегла.

Чтоб дела я все по-божьи порешал,
возвращался не порожним, не спеша,
чтобы тешился я мыслию одной:
чьё-то сердце смотрит пристально за мной,

чьё-то сердце ждёт с надеждою меня,
и любви полно, и прежнего огня,
и тоскует и печалится оно
всё тревогой непочатою — одно.

Чтоб оно меня дождалось ввечеру, —
я и слёзы и печали — всё утра.
Пожелай же, чтоб в родимой стороне
на твоём окне свеча горела мне.

7 августа 2002 г.



Скорблю и стражду о тебе.
Сгорю однажды —
ведь нету сил уже терпеть
тревожной жажды.

Уходишь тихо из души
неверным шагом —
растерянность свою глушить
единым махом.

Во мрак уходишь, в никуда —
в тоску и стужу,
моя горячая беда,
чтоб клятвы рушить,

мечты о самом дорогом,
дыша печалью,
реализовывать в другом —
чужом, случайном.

Я вижу грустные глаза —
в них свет и тайна.
Я столько бы хотел сказать —
слова случайны.

Слова, слова... — святая ложь,
вчерашний ветер!
Ты, может быть, совсем уйдёшь...
Оставив пепел.

И унесёт сиянье глаз
сентябрьский поезд.
И я боюсь, боюсь за нас —
за нас обоих.

Боюсь — порошей занесёт
что зазвучало, —
затихнет всё, погаснет всё,
забыв начало.

Скорблю и стражду — мне дано
страдать как прежде.
Горчит полынное вино
моей надежды.

13 августа 2002 г.



День разразился тихим плачем.
Глаза на нас потупя вниз.
Мы друг от друга слёзы прячем.
А день не выдержал — раскис.

Рыдало где-то — задним планом.
А он из-под набрякших век
так горько, безутешно плакал,
безудержно — как человек.

Мы люди — нам терпеть. Потерпим.
А он — доверчивый чудака:
лишь невозвратную потерю
оплакивают долго так.

Он всё страдал, почти неслышно
потоки тёплые струя...
За эти плачущие крыши
улыбка спряталась твоя.

Уж не она ли потерялась?
Не я ль не смог её сберечь?
Куда, куда пропала радость
тех ожиданий, первых встреч?

А день не размыкал ресницы...
Я столько ждал, что ты придёшь!
Куда теперь тебе стремиться
под этот плач, под этот дождь?

15 августа 2002 г.



От животных слышали вы смех?
У животных слёзы вы видали?
Взгляд! Разбег! Толчок! Клыки сквозь мех!
Где уж там безоблачные дали?!

Только мысль душе простор даёт
и пространство меряет слогами.
Но — воображение моё
радость и печаль предполагает...

А орлы, давно освоив высь,
жизнь проводят у подножий рая.
... Где ж желанный клёкот?.. Отзовись!..
Что ж, судьба, ты карканьем караешь?

Вороном не стал — глаз не клюю.
Но устал от собственных идиллий.
А слова, что на бумагу лью, —
это смех. Сквозь слёзы! Крокодилы.

9 сентября 2002 г.



Трещат по швам естественные связи,
когда ты, отрываясь от земли,
летаешь в небо, будто восвояси, —
оставив плоть во мраке и пыли.

И пилотаж души до совершенства
в полётах бесконечных доводя,
о родинке на нежном теле женском
ты забываешь, вечное дитя.

И, пролетая в беспредельной сини,
ты забываешь о земной борьбе,
об алчном чреве, беззащитном сыне,
что женщина рождает не тебе.

Но путь Христа — путь вечного безбрачья.
Хорош «пример»! И в том беда твоя,
что по-людски — он просто неудачник,
не понявший законов бытия.

А ты паришь — и высь тебя приемлет!
Да жёстко одиночество твоё
тебя с размаху хлопает о землю,
когда ты возвратишься на неё.

Но с каждым кругом поднимаясь выше,
осознаёшь, свой сокращая век,
что принципам людским уже не выжить,
хоть ты не божий сын, а человек.

Разорваны естественные связи.
И если душу не настичь вдали,
то телу — возвращаться восвояси,
в сырое лоно матушки-земли.

11 сентября 2002 г.



Пространство всё заполнено дождём —
когда его у Господа не просят! —
он будто всё заполнить утверждён.
А это — осень. Наступила осень.

И по иному время потекло —
ещё бы не потечь ему иначе:
давно обмыто пыльное стекло,
а дождь течёт, течёт... Как будто плачет.

О чём? О прошлом? Прошлое — прошло.
Грядущее ещё не наступило.
Вот нынешнему дню не повезло —
какой-то он слезливый и постылый.

Да вот она, за сутки до дождя,
куда-то растворилась из реалий,
как будто бы за тучи уходя...
Лишь этот вечный дождь материален.

Украден свет. Усталое от краж,
не попрощавшись, растворилось лето...
Я чувствую — что сам уже мираж.
И потихоньку растворяюсь где-то.

12 сентября 2002 г.

Прощание

Я уходил — не в силах боле! —
к природе, чтоб в глухом лесу
избыться хоть на миг. От боли,
что меж людей в себе несущу.

Гонимый этой вечной мукой,
я пробирался в тусклом дне
и от бессилия аукать
готов был.

...Кто б ответил мне?..

Мне каждый отклик был бы дорог!..
...Но в чаще разве нужен он?..
И тут почудился мне шорох —
какой-то странный, будто стон.

Шагнул — подраненная птаха,
петляя, ковыляя прочь,
в глаза глядела мне со страхом.
И сердце вскинулось — помочь!

В ней тоже боль, в ней та же мука!
Не брошу я тебя одну! —
я бережно тянул к ней руки...
И до сих пор я их тяну.

13 сентября 2002 г.



Жили люди и гибли от бури,
наводнений, пожаров лесных.
Или почва расколется сдуру
так, что адские бездны видны.

Задыхались в объятьях холеры,
под крылом замирали чумы...
Но — додумались! Приняли меры
и со злом этим справились мы.

Разум всё-таки мощная штука!
И себя самоё возлюбя,
всё враждебное давит наука
так, что страшно уже за себя.

Чем я, собственно, лучше микроба?
Чуть сложнее, крупнее его.
И, быть может, вселенская злоба
обесценит меня самого.

Вроде всё гармонично по свету:
телек включишь — сплошное ля-ля.
Только что-то спокойствия нету
на разумной планете Земля.

Так — живите, но смерть не проспите —
ведь уже и любовь стала злом!
Только я не мечтаю о СПИДе —
мне бы лучше, чтоб небо вразлом.

15 сентября 2002 г.

Пустыня людская

Я ждал кончины неминучей —
я жаждал, страждал — высох весь!
А в небесах скользили тучи
бесплотные, как божья весть.

Мне грезилось, как будто снилось! —
что вот я подхожу к ручью...
Пролейся, небо, сделай милость!..
Казалось мне: я пью и пью...

Но брёл и брёл — моя надежда
скользила впереди меня,
бессонно утомляя вежды,
осуществлением маня.

Мерещилось сплетенье веток
в предутренней росе... — Пролей! —
Шептал. Но не было ответа
ни в небесах, ни на земле.

И тучи — лишь мираж! Белёсый,
добавь же, небосвод, огня!..
Лишь упоительные слёзы
напрасно тешили меня.

19 сентября 2002 г.



Если ляжешь спать полугодным
с песней на устах «Проснись и пой!»,
то, проснувшись — как во сне, бесплотный, —
чувствуешь вину перед собой.

Размножаться б надо понемножку...
Но проснёшься словно «голубой» —
ведь не снится ножка без кормёжки —
чувствуешь вину перед судьбой.

А заснёшь под телепередачу...
Но тогда эффект совсем иной:
страшно просыпаться — сердце плачет! —
чувствуешь вину перед страной.

А во сне — заоблачным паяцем:
руки — крылья, звёздные штаны...
Вот бы никогда не просыпаться —
никакой ни перед кем вины!

21 сентября 2002 г.



Птицы
— это солнце и звёзды.

Птицы
— это высь голубая.

Птицы умирают бесслёзно,
даже если их убивают.

Их посмертно нет на иконах —
славят тех, кто умер от плёток!
А у птиц — по божьим законам,
то есть — по закону полёта.

Что им ваши тюрьмы и храмы!
Ваши страхи — ваши святыни!
А у них исконное право —
падать там, где крылья остыли.

2002 г.



Что случилось — душа не стремится
никуда, ни к кому, ни к чему?
В тесной клетке тоскливою птицей
молчаливо дрожит. Почему?

Вырывалась из пут и летела,
путь себе прорывала во мгле,
забывая усталое тело
на оставленной богом земле.

Находила источники света,
забывала и холод, и тьму.
И сама загоралась ответно.
А теперь вот — дрожит. Почему?

Что влекло её в будущность прежде?
Что же ей расправляло крыла?
Умирает последней надежда.
Неужели она умерла?

январь 2003 г.

Святая вечера

Один, неприкаян, к другу
забрёл на призыв огонька.
А там процветала ругань,
не злобствующая пока.

Без мата не слышал ни слова
от пьяных беременных «дам»
в канун Рождества Христова —
да что там красивым нам!

Одна из зачатых по-пьяни
неясно в каком дерьме
истошно взревела о маме —
и краем досталось мне.

Как будто бы я ту маму
досрочно упрятал в гроб —
такого набрался сраму,
безвинный, не в бровь, а в лоб.

Без лампы в башке, без Бога
в истерике дёргалась пьянь.
И думалось мне за порогом:
— Избавь, без меня буянь!

Печально не то, что не скоро
открою я эту дверь,
а то, что попробуй без спора
в святую Марию поверь.

Разгневан, а не испуган,
я клял бесноватый «бзик»,
немного жалея друга:
и к этому друг привык!

Когда-то вот так от Содома
стремился спасённый Лот —
так рвался и я от дома.
И пел под ногами лёд.

Спешил от дурного места,
бежал от чумного огня,
и к свету лишь божья невеста,
скорбя, выводила меня.

Когда ж отдохнули уши
и в жилах утихла кровь,
я понял: спасаю душу
и веру свою в любовь.

7 января 2003 г.

Друг по несчастью

Хорошо быть задумчивым йогом:
отрешись от всего — созерцай, —
что тебе в этой жизни убогой! —
ты — в нирване. Зачем тебе рай?

Хорошо быть весёлым буддистом:
больше радуйся, меньше греши —
и дойдёшь вдохновенным и чистым
до великих посмертных вершин.

Мусульманином — тоже неплохо:
хоть «неверных» несметная рать,
хоть и трудно без общего бога,
но от пули легко умирать.

«Профи» мы по проклятьям, распятым.
Ради деток да вздыбленных жён,
мы, взаимно распятые братья,
предаём, распинаем и лжём.

Если ж ты и распят, и оболган,
да ещё и в родной стороне,
то ни сыном господним, ни Богом —
просто братом приходишься мне.

12 января 2003 г.



Душа напрасно стоны цедит —
простор уже неразличим.
Разбросил ловчий в небе сети,
ловя последние лучи.

Закат алеет как-то странно:
нигде ни отблеска огня, —
дымится он кровавой раной
изнемогающего дня,

как рок, родившийся в рубашке,
в рубашке красной палача, —
вот этот вечер горький, тяжкий
добить готовится с плеча.

Прокарканного приговора
не слышала глухая мгла.
А ночь, глумливый чёрный ворон,
уже расправила крыла.

Всё движимо законом мудрым:
явился день — отцвёл — погас.
А после ночи будет утро!
... Но, может, не застанет нас.

3 апреля 2003 г.



И атмосфера поредела
в своих озоновых слоях,
и шар напрягся до предела,
хотя от крови не протрях.

Наверно, чаша вся испита.
Возможно, это божья месть:
не вдосталь насладились СПИДом —
уже и пневмония есть.

Теперь забудь, что люди братья.
В постель красавиц не зови.
И забывай рукопожатья,
плюс — крест на половой любви.

Пасхальная неделя 2003 г.



Как зверь по засухе в овраге —
в вине искал ответ на дне.
Потом доверился бумаге,
но что-то не легчает мне.

Накушался — как птичка проса.
Устал от рвения своего.
Всё дело в сложности вопроса!
А я уже забыл его.

Вино на мудреца похоже
с вопросом «быть или не быть?»
Потом лишь повреждает кожу —
с вином легко о ней забыть.

Потом тоскуешь о здоровье —
к дивану будто бы прирос!
Но, видно, выплеснутый с кровью,
не вспоминается вопрос.

Печально над бумагой хлянешь —
вершишь себе верховный суд.
А в зеркало никак не глянешь —
к нему и ноги не несут.

Хотя взглянуть и тянет шибко,
но так легко представить прок:
печать стыда, следы ушибов —
там не ответ, а лишь упрёк.

Бумага ж вовсе безучастна —
бумага терпит полный бред.
...Вопрос был, видимо, о счастье...
А на него ответа нет.

Пасхальная неделя 2003 г.



Пока он грянет, свет небесный,
своим карающим лучом,
а пневмония мракобесит —
традиция тут ни при чём.

Мир ничего уже не стоит —
он задыхается в дерьме.
Уже занятие пустое
долдонить о его уме.

Зачем излишняя шумиха,
когда он труп полуживой?
Всё быстро кончится и тихо —
без катаклизмов и без войн.

Ведь он охотится с охотой,
себе готовя западню
и Богу облегчив расходы
по подготовке к Судну дню.

Пасхальная неделя 2003 г.



Как будто наложили вето
на информацию с небес!
Я ж как от Бога жду ответа, —
на почте окопался бес!

Ведь информация такая —
да судьбоносная почти!
И кто там чёрту потакает?
Я в скорби раздавил очки.

Ну до чего ж тяжёлый случай —
как будто на душе печать!
А может, адресат певучий
не собирался отвечать?

От ожиданий чахнет тело!
Вмешайтесь же, Господь, Аллах, —
кому там пакостить припело
в таких божественных делах?

А вдруг она придёт — простая,
но смысл, почти как жду, таков...
И многословно причитаю:
как прочитаю без очков?

Пасхальная неделя 2003 г.



Весна на дворе. Распускаются почки.
Прозрачным теплом распогодилось небо.
А почта не носит мне писем от дочки.
Как будто я умер, как будто я не был.

Приходят проведать духовные братья,
приходят ко мне по муравушке ранней
и душу мою заключают в объятия
таких же невзгод и таких умираний.

Весна за окном торжествует победу.
А я от тоски по родимому краю,
что надо покинуть, хоть всё не уеду,
от боли о нём каждый день умираю.

Душа на беду откликается эхом,
свои и чужие печали листая.
Тут смеха не слышно. И как же мне ехать?
Кому, на кого эти беды оставить?

2003 г.

Письмо другу

Друг — это другой ты.
Аристотель

Откликнись, мой далёкий брат!
От размышлений — дрожь!
Поэты не умеют врать.
И ты меня поймёшь.

Мир не на святости стоит —
нет даже слова «честь».
Как выживаешь, друг-пиит?
Ведь ты, я знаю, есть.

Изнемогает в тишине
любовь к родным местам.
Искал я истину в вине,
но нет её и там.

Открытым хамством стала, друг,
изысканная ложь.
В который раз замкнулся круг —
куда ни глянь, грабёж.

И мысль сама уже беда —
нежданный нож в живот! —
чуть-чуть святее лишь тогда,
когда и Богу врёт.

Но как с тобой ни морщим лбы,
ища просвет в судьбе,
нет хуже нам такой судьбы,
чем изменить себе.

И остаётся волком выть —
не лгать же песней нам!
Вопрос: — Нам быть или не быть?
Хоть нашим именам?..

Об истине не говори —
в том проку на пятак! —
простых два слова подари,
откликнись просто так.

P.S.

Не тем бочком попал калач
в канун святого дня —
за этот стон, за этот плач
не осуждай меня.

Вестибулярный аппарат
в конце концов подвёл —
немного сам себе не рад:
костюмом прах подмёл.

Немного скорби на лице,
немного кожи свёз ...
Теперь вот плачусь на листе,
но не хватает слёз.

Ведь помним мы голгофский крест
и питерский лицей.
Христос воистину воскрес!
Теперь в моём лице.

1 мая 2003 г.



Скворцы без умолку трещали,
свистали, щёлкали взахлёб —
кричали! — будто о начале,
что по-иному быть могло б,

что по весне гнездиться надо,
что песни я не те пою,
что надо петь как стая, стадо,
как все устроить жизнь свою.

Глаза своим вы не клевали!
Никто вам в душу не плюёт! —
понять удастся вам едва ли
чужой безрадостный полёт.

И вам, и нам привольно в поле,
но различает нас одно:
дано вам корчиться от боли,
но от душевной — не дано.

Печально мне, что я не птица,
что совесть есть, что человек, —
счастливой песнею пролиться
постыдно мне в шакалий век.

Немного милостей у Бога.
Не может песня быть светла —
века давно срослись в эпоху
всепобеждающего зла.

Звучит насмешкой слово божье
среди шакалов и овец.
Вот почему неосторожно
скорбит певец. Он не скворец.

2 мая 2003 г.

Ну, Змей-Горыныч!

Мы пили, вроде, «самопал»,
а может, самогон...

Мне показалось — я упал,
снарядом оглушён.

Но мы стояли до конца! —
что сложно понимать...

И каждый выпил за отца,
хоть вспоминал и «мать»!

И всё ж в неравном том бою
с исчадьем вечной тьмы
на жизнь плевали мы свою,
теряли лучших мы.

Вестибулярный аппарат
подвёл в конце концов —
я крикнул: — Пропадаю, брат! —
и рухнул в твердь лицом.

Я чувствовал во рту металл.
Всё тело — как свинец...
А сатана всё хохотал,
торжествовал: — Конец!

Соратники мои, друзья,
кто оставался жив,
куда-то волокли меня
над пропастью во ржи.

Вокруг меня пылал напалм.
Я видел смерть в лицо!
Но я на родине упал —
за предков, за отцов.

...Очнулся — белая кровать...
божественная тишь...
Мужчинам надо воевать.
Не погибать бы лишь.

2 мая 2003 г.



Как начал хорошо «Титаник»!
Как горделиво нас понёс!
Ну что ж, расстанемся без паник —
и так за нами море слёз.

8 мая 2003 г.

Классные причитания

Бледный мальчик с невзрачным личиком,
ты учился в большом потении:
папа сделал тебя отличником —
за такие большие деньги!

Много доброго и полезного
в том презренном и злом металле:
школа выпрет тебя, болезного,
под оркестр — с золотой медалью.

Просветлённый такой, значительный —
сам Господь над созданием ахнет! —
отвратишься и от учителя:
он — дерьмо, хоть они не пахнут.

Окрылённый пустой наградой,
бедный, хочешь того — не хочешь,
теми ж правдами и неправдами,
но престижный закончишь колледж.

Повторяя натуру батину,
будешь в мутном мирском тумане
тем же способом зарабатывать
эти самые «мани-мани».

От судьбы никуда не денешься —
не заметишь, как жизнь и прожил..
Глянешь в зеркало — только денежки,
как клеймо, на квадратной роже.

30 мая 2003 г.

Мрачный день

А. Луценко

Иду, а голова пустая...
Июль, дожди, но нет грибов...
Скворцы птенцов готовят в стаю...
Господь, яви свою любовь:

пролейся в мир теплом и светом —
тебе ж движение одно!
Зачем же мне мечтать об этом?
Хоть это мне ещё дано?

Я наберу воды в кринице,
встревожив, но не замутив.
Быть может, ночью мне приснится
весёлый песенный мотив...

Но в родничке какой-то кашей
глухая высь отражена...
Вернусь, и тут сосед мне скажет,
что утром умерла жена,

что, мол, была надежда — верил,
теперь — попробуй дочь утешь,
когда в самом тоска без меры,
когда ни света, ни надежд.

Смотри, Господь, на эту землю,
на сотворённый мир смотри!
Не спи — ведь Сатана не дремлет!
...А девке было тридцать три.

1 июля 2003 г.



Что мерить ширину души,
когда ты голоден и бос!
И напрягаться не спеши:
хоть божий сын, но не Христос.

Не принял правила игры —
на самого себя пеняй,
готовься в лучшие миры —
там будешь сыт, обут — там рай.

И потихоньку от жены
храни оставшуюся честь —
в раю отбожки не нужны,
а отощавших там не счесть.

И все о судьбе не вой —
пока ты здесь ещё, держись!
Скажи спасибо, что живой!
Хотя... какая это жизнь?

2 июля 2003 г.



Стоял в родном лесу опёнок
и дурью маялся спросонок:
стоял на пне, торчал себе
и грустно думал о судьбе:
— День разгорается лучистый,
и как оно могло случиться,
что я у жизни на краю
как неприкаянный стою?
Меня приткнуть в какое б дело,
чтоб чьё-то тело прибалдело, —
бывало, ищут днём с огнём —
теперь торчишь себе пень пнём.
На чём торчишь! — гордиться нечем:
какой-то пень подставил плечи.
Александрийским бы столпом!
...А пень был плоским русским лбом.

начало июля 2003 г.



Как глянешь на грибы, так — те же люди:
кто плоский, а кто круглый идиот.
Опёнок одиночества не любит —
вот потому большим и не растёт.

Сморчок хорош, хотя и с виду гадок.
Жаль только — много стало лжеопят.
Про бледных не напоминай поганок —
их ни жучки, ни черви не едят.

2 июля 2003 г.



*Меня обманывать не трудно,
я сам обманываться рад.*

А. Пушкин

Давно растаяли снега,
июльскими дождями пали,
а песнь, что до снегов слагал, —
всего лишь память о печали.

И скоро первая листва
отбуйствует и станет пылью.
Мечтой рождённые слова
и ты, и я давно забыли.

Лишь иногда погожий день,
что стал погибелью для песни,
мелькнёт в сознании словно тень —
неощутимо, бестелесно.

Хоть вновь надеждой отрави, —
жизнь разучила в счастье верить.
И ожидание любви —
лишь предвкушение потери.

9 июля 2003 г.



Опять ослаб — себе не нравлюсь.
И пухнет только голова —
какой-то стихотворный праздник:
дела стоят, идут слова.

Хоть в голове нет путней мысли,
но день-деньской глаза в труде.
В корыте полотенца киснут
и моль застряла в бороде.

Опять тоска пронзила душу —
валяешься, промял бока.
Да по тебе верёвка тужит!
И, видно, мыльная слегка.

С тех пор, дружок как стал поэтом,
ты, родненький, совсем охлял.
А на дворе бушует лето —
ты ж скоро высохнешь, как тля.

Строчишь, а солнышко не дремлет.
А ты толчёшь собой кровать.
Плоды упали под деревья —
тебе на это наплевать.

Соседей постыдился б, что ли!
Не дать же сгнить — ведь это грех.
Свои психические боли
расписываешь под орех.

Слова текут каким-то валом —
их там внутри, наверно, пруд —
как будто дамбу там прорвало! —
дела стоят, а строчки прут.

Ты как рабочая скотина.
Ведь еле теплится душа.
А ты её же — никотином,
когда в кармане ни шиша.

Хоть кто — на голову наденьте,
чтоб это как-то оправдать!
Страдал бы как-нибудь за деньги,
тогда страданье — благодать.

Как будто обязал Верховный!..
Опять же этот чёртов пруд...
Да это ж мазохизм духовный,
а не литературный труд.

31 июля 2003 г.



Василию Мирошниченко

Есть в судьбах предопределённость
гораздо большая других...
И мир взирает удивлённо,
как на блаженных, на таких, —

мир простаков, где каждый — гений.
Но разум — всё же! — благодать, —
кто ж в толк возьмёт «предназначенье»,
имея голову, страдать?..

Мир, безусловно, не удался —
забыл, что создан и зачем.
И появляются страдальцы,
не ослеплённые ничем:

он не обижен, не унижен —
он сознаёт, что он не тля.
Одна любовь такими движет.
А это больше, чем Земля.

Ведь вечно только царство Света,
а ты конечен, человек, —
ведь погибают и планеты,
и звёздные миры (в свой век).

Но мир гигантских лилипутов,
так называемый людской,
от страха злобою опутан,
гигантской злобой! И тоской.

А по Земле идёт страдалец,
что так собой не дорожит,
и видит лишь предсмертный танец
под вопли алчности и лжи.

С того и сердце с мозолями!
Да и не легче от того,
что только Бог определяет
код генетический его.

1 августа 2003 г.



Амуры разметали стрелы
по перспективе «голубой»:
она опасно посмотрела.
Но я не дался на убой.

Она пыталась принародно
уединиться тет-а-тет.
Но что амуры — хоть поротно —
когда на них иммунитет!

Воркует что-то про Мадонну —
и катит, как на вороных.
А в ней самой не меньше тонны —
без прибамбасов пристегных.

А ангелы: — Какие формы!..
И что-то там ещё про честь.
— Ну, — думаю, — без хлороформа
такой презент не перенести...

И я им улыбаюсь мило,
а сам себе же: — Молодца!..
Там, видно, мама раскормила...
Росла, наверно, без отца...

И хоть худой, но всё же воин, —
рванул рубаху — и на дзот:
кричу: — Ребята, недостоин
я этих неземных красот.

Я не хамил, но — видят боги! —
пока запал в ней не потух,
— Веди, — кричу, — к четвероногим!
Там половое чувство — нюх.

17 августа 2003 г.



От рта остались очертанья.
А от зубов — воспоминанья.
А от любви — одна лишь боль.
И это больше, чем любовь.

2003 г.



Всё, что чрезмерно — не от Бога
и утомит глаза слезой,
и станет светлая дорога
горчайшей мрачною стезёй.

И приведёт к такой же бездне,
откуда и возврата нет.
Но я-то видел свет небесный,
спокойный, беспредельный свет.

Такое мощное свечение
во тьме ночной — лишь от Него.
и я забыл, что я — ничейный,
и стало легче от того.

Но я отнёсся не как к чуду.
Мне было очень тяжело,
не ждал поддержки ниоткуда, —
вдруг — это светлое тепло.

Я понял — стон Ты мой услышал,
что Ты не страшен, Ты не враг, —
иначе бы зачем был свыше
мне дан такой чудесный знак.

Я вскинулся: увидеть лица!
Хоть не молил о нём: свершись!
Но не успел и удивиться —
как будто ждал его всю жизнь.

Тоннель из света бесконечный
и цвета — словно спелой ржи.
И я забыл свою беспечность:
ведь Ты меня оставил жить.

И я — в Твоей пресветлой воле,
и мы теперь с Тобой вдвоём,
и будут радости и боли —
я, знать, не отстрадал своё.

Я, может быть, Тебя печалю,
но как бы ни был я раним,
за жизнь свою я отвечаю
перед Тобой, Тобой одним.

Прости мне, глупому, обиды!
Мой гордый ум — моя беда!
Такого света я не видел
на этом свете никогда.

2003 г.



Душа мне дыр понавертела —
не шило, а веретено!

А мне б лелеять это тело —
оно ведь у меня одно.

Психея нежная досталась:
то стынет, то полна огня.
От этих дёрганий усталость
когда-нибудь добьёт меня.

«Зачем крутится ветер в овраге,
подъемлет пыль и лист несёт?..»
Как будто плаканье бумаге
от верной гибели спасёт.

Износишь тело, словно платье, —
ложись и в рваном помирай.
Для тела — грустное занятие.
А этой дуре всё бы в рай!

И тело не даёт утешить.
Хоть покормить бы — не даёт.
Так и сама-то не безгрешна —
она же тесты не пройдёт.

А тут уют — почти собачий.
Жилище — ожиданья зал.
А эта о духовном плачет —
конфликт, надрыв, «базар-вокзал»!

И так ей в этом теле плохо,
что я с ней просто идиот.
А там не проскользнуть у Бога —
и этот номер не пройдёт.

Мне нужно принимать решение.
Не облекать тоску в стихи,
а начинать просить прощенья
у Бога за её грехи.

Ну всё бы ей взметнуться в небо.
А нет бы — обустроить дом.
Ведь если в доме нету хлеба —
не дом же это, а содом.

Какие прилагал усилья —
беда моя, а не вина:
ей предки в коде подмесили
немного белого вина.

Другой раз — нет! а ей — пустое.
Для примирения — зальёшь.
Потом отходишь — тело стонет,
а ей плевать — у ней балдёж.

И может этими плевками
любую печку потушить,
Вопит мне, что она — не камень, —
не стою я такой души!

Пока идёшь — и тело носит,
одолевает путь земной,
а эта все мне планы косит —
она грешна! Передо мной!

К чему мне сокращенье века?
А телу надо что-то есть —
я был задуман человеком:
есть у меня и ум, и честь —

я человек, других не хуже.
Так за какие же грехи
сегодня у меня на ужин
лишь сигареты и стихи?

Не терпит никаких нотаций!
А вдруг не дастся благодать —
опять тут по земле болтаться,
свою же карму отбывать?

Но не идёт на компромиссы —
гнёт как сварливая жена.
И дуру называешь «миссис».
Грешна! И тыщу раз грешна!

Нет — нужно поступать резвее.
И сокращать не жизнь, а бред, —
она ж вовек не протрезвеет
от вовсе ей не важных бед.

2003 г.



Я был недавно окрылённый.
Теперь лежу как истукан —
такой пустой и просветлённый,
как мой замызганный стакан.

Там жизнь доносится из окон,
лежу — аж оторопь берёт.
А эта дурь выходит боком,
хотя вливалась через рот.

На грецких настоял орехах —
ведь запредельный концентрат!
И тело, и душа в прорехах —
допался, как Мартын, — и рад.

Какая в ней, в проклятой, сила!
Как только тронул — сразу сбой.
И мать покойная просила
не измываться над собой.

Отец сказал: — За обе жизни
я выпил. Так что ты не пей!..
И как вскочила эта шиза
из прапрадедовых кровей?

А с ней, коварной, станешь бомжем.
Ведь истина — в сухом вине!
А в этой утонуло больше —
гораздо больше, чем в воде.

И надо ж как-то шевелиться.
А тут залился — по глаза.
Как глянуть в дружеские лица,
когда своё не показать?

Одни ущербы да потери
на фоне беспардонных лет.
Спасибо — хоть не пугал двери
на кухню или в туалет.

Нет, я надоедать не буду.
Помилуй — окажи мне честь!
Я больше не поддамся блюду —
я твёрдо знаю: Бог, ты есть!

А дрянь придумал злобный гений.
Прошу я помощи с небес:
потребность затесалась в гены
и, видимо, попутал бес.

Там ждёт упругая, живая,
чтоб я ей почитал стихи,
а я тут карму отбываю —
не знаю и за чьи грехи.

В каком-то замутнённом трансе...
И знал же, что потом страдать!
А как трудился, как старался
на дне увидеть благодать!

Кто успокоит, кто ответит?
Молю участия Твоего!
Родителей застал на свете,
а вот из дедов — никого.

И мать с отцом отцов не знали.
Кто снимет с этого креста?
Ведь ясный день — что глушь лесная!
А я — наследный сирота.

Ты у меня — одна надежда.
Ведь сердце еле гонит кровь.
Я очень заблуждался прежде.
Надеюсь на Твою любовь.

Я — с самой искренней любовью,
хоть и не трезвый, как стекло.
И извини за многословье.
Сам понимаешь — допекло.

Тебя тошнит от апелляций
таким вот языком простым?
Не мне над прошлым изгаляться —
я всех покойников простил.

Дрожит пружина заводная.
И этот стон — не просто блажь.
Не буду больше пить до дна я.
Ты жалостью своей уважь.

2003 г.



В минуты тяготы душевной
кому печаль свою снести?
Не встретишь добрых глаз в пути —
что проку от передвижений?

Издёрганное существо,
что женщиной когда-то звалось,
обрушит гневную усталость,
создаст тоску из ничего.

Не успокоит старый друг!
У друга новая подруга
успешно презентует ругань —
и другу нынче недосуг.

Ты в храм пойдёшь — Он всех мудрее! —
и к Богу обратишься ты:
«Сними грехи: вся жизнь — посты!..»
Но Бог молчит, попы жиреют.

Мольбы и просьбы ни к чему.
Фортуна зла, судьба спесива...
Мой друг нетленный, дай мне силы
не обращаться ни к кому!

2003 г.



Во мне истерзан каждый атом.
Беда в родимой стороне.
И лишь патологоанатом
последним другом будет мне.

Беспечно выпотрошит тело.
Заглянет в опустевший рот.
И искренно, со знанием дела,
про то, что там внутри, соврёт.

И скажут — был достойным мужем
и совестью, и по уму.
Но коль такой живой не нужен,
то мёртвый — ясно — никому.

Заглянут в паспорт — есть ли дети?
Есть дочь. Но перервалась нить.
И в хлорвиниловом пакете
свезут в земле похоронить.

Земля спокойно тело примет —
да мало ль нас лежит, глистов!
А много позже вспомнят имя.
Лет этак, может, через сто.

2003 г.



Я жил в гармонии с природой.
Я даже моль, и ту берёг.
О чём оповещал народу
на площадях своих дорог.

Народ мой, в ожиданьи чуда,
все реки переходит вброд.
А реки есть ещё покуда.
Постольку есть и мой народ.

Те реки — вспять (От нефиг делать).
В огонь — воды набравши в рот.
На амбразуру — скорбным телом.
И в космос — задом наперёд.

Народ мой расщепляет атом.
Рассеивает в мире мглу.
А в промежутках — голым задом
то на ежа, то на иглу.

Но чтоб повзводно и поротно!
И чтоб Чапаев на коне!
А я — в гармонии с природой.
Хрен будет памятником мне.

2003 г.

Решишь судить – прошу учесть...

Судьба моя, твои истоки —
в тех далях, где бессилен взор.
И не смывают сроки, строки
веками копленный позор.

Тебя, крутую, по наследству
от миллионов образцов
отцов я получил и с детства
глядел в угрюмое лицо.

И я себя готовил к бою,
готов был умереть в бою.
Но этот бой меня не стоил.
Ещё — жалел я мать мою.

Однако, ежели-ужели
решишь судить, прошу учесть,
что не прощал я унижений —
берёг я честь и только честь.

Был чистым путь, кремнист и светел, —
изнемогала вся семья! —
и счастье превратилось в пепел,
пока я сохранял себя.

Но ум страданьем не остужен!..
Уже навек уснула мать —
и нужен я или не нужен —
тебе, Отчизна, отвечать.

Из цикла «Раздумия»



Когда у Понтия Пилата
взопрела, вспухла голова
и сердце стукнуло неладно,
пришла пора искать слова.

Сухой язык с гортанью сросся.
Боль под ребром: я — или он?
О если б не было вопроса!
Но он возник... И был решён.

Лишь небожители рассудят,
кто там был прав, кто виноват.
А сказка остаётся людям.
Не замечающим утрат.



Я думал о тебе. Я думал о себе.
О собственной судьбе, о хлебе, о борьбе.
И что судьба моя? — смешинка бытия.
И что борьба моя — чего добился я?
Вот я опять — ничей. Иссяк ручей речей.
И духота ночей. И пустота очей.
Начнётся всё с азов: услышишь чей-то зов,
услышишь бой часов и трепет парусов.
Но я-то буду знать, кого я буду звать,
чьё имя называть, ночами изнывать.
Вся жизнь моя в борьбе. Просвета нет в судьбе.
Я думал о себе. Я думал о тебе.

Колыбельная

Ты засыпаешь... Из окошка
луна головку серебрит.
Ты засыпаешь, моя крошка...
Ты не проспий своей зари.

Ты засыпаешь... Тихо листья
качнутся в свете голубом —
придёт с улыбкою лучистой
та, что владеет детским сном.

Ты засыпаешь... Эта фея
ресничек тронется рукой,
своим дыханием навевает
покой — безоблачный покой.

И ты заснёшь... Она расскажет,
что по утрам поют ручьи
и что под ножки дочке нашей
простелет солнышко лучи.

Она прекрасна, эта фея,
она приветлива, светла,
она избавит от сомнений,
в ней столько доброго тепла.

Ты засыпаешь... Тихо тени
играют сказкой на стене...
И что бы лучше тех мгновений?
Но почему печально мне?..

Золото осени

Спокойный вечер ветром не свистел,
но только всё вокруг переменялось:
срываясь, лист кленовый полетел,
как будто в кронах солнце закружилось.

Я в нём купался, от него хмелел,
ловя на плечи шёпот увяданья,
и дивный голос мне тихонько пел
возвышенную песню ожиданья.

И с ним, сквозь золотую пестроту,
светился образ чистый и далёкий,
но прикрывавший ветки наготу,
был жалок лист — поникший, одинокий.

А золото, стена и шурша,
и песню, и глаза, и образ застилало...
позванивало, надо мной кружа,
потом, упав, печально затихало.

И, растворяясь в золотой тиши,
прекраснейшие звуки трепетали
и долго-долго в тайниках души
и нежно, и тревожно не смолкали.

Из цикла «Люблю Отчизну я...»

Утро в конюшне

По крупу соскользнула дрожь
под петушиные пророчества.
Но — как ни путай, ни треножь,
какой ни есть — простора хочется.

Тревожен будет пусть и крут,
стегают пусть громы небесные,
но только бы не этот кнут! —
уж лучше волчий вой над бездною.

Ах, колченогий вороной,
я сам ишу — не вижу выхода.
Прости, родной, не мной, не мной
тебе железа в рот напихано.

...Хомут, пожухлая трава,
пустые ясли, путы, оводы
и чьи-то злобные слова...
Но это по другому поводу.

Мечта

Ты — не Весы, а я — не Рак:
давай забудем наши беды!
...Камин, два кресла, полумрак
и о возвышенном беседа!

Не обсуждать наш бедный брак,
а просто — чай после обеда,
камин, два кресла, полумрак
и о возвышенном беседа.

Не нужно фраз: А ты!.. А я!..
Не спорить, пеняшь, до победы —
камин... Два кресла... Полумрак...
И... о возвышенном... беседа...

Из цикла «Люблю Отчизну я...»



Святая Русь! Похмелье чёрное!
Седая грусть по образам!
Но рано ворон кличет ворона
клевать припухшие глаза.

Мы пережили тьму татарскую —
у нас в крови сплошной бедлам.
Нам всё равно чего растаскивать —
страну аль девок по углам.

Ещё проспимся и продышимся!
Ещё увидим свой резон!..
Но обольстительно колышется
о прежней чарке новый сон.

Из цикла «Люблю Отчизну я...»



На этом кладбище надежд,
где и кресты порастащили,
дубы да вороны всё те ж
и те же аргументы в силе:

из доводов здесь любят кнут
да эшафот. И кои веки
то в храме дьявола клянут,
то бога ищут в человеке.

На смертно стонущих дверях —
на счастье — ржавая подкова.
Сопит ленивая ноздря:
не вышло бы чего такого...

И перехватывает спазм,
когда подумаешь невольно:
— Кого ж Христос распятый спас?..
И стыдно жить. И верить больно.



На клумбе или в чистом поле,
в неволе или на ветру
цветы, не выбирая доли,
рождаются, цветут и... мрут:

одни неспешно угасают,
печалью тронуты слегка;
другие же блестят слезами
на свежем срезе стебелька.

Обречены и те, и эти:
прекрасно — бросить семена
для жизни будущей на свете,
но жизнь... ведь так хрупка она!

Из цикла «Визитная карточка»



Пора платить по векселям:
у нас любовь и та — долги.
Долги с пенёй не веселят
никак, хоть как себе ни лги.

Дышал... Надышишься ли тут?
Любил... А радость ли была?
Летал... Но сети здесь плетут
как раз внахлест на два крыла.

Не врал — смеялись надо мной.
Не подличал — глумились: зря!
Терял терпение хмельной —
ума и пьяный не терял.

Всем помогал — чем только мог.
И в гневе мненья не менял.
А что в итоге? Вечный долг,
как рок, преследует меня.

Не предавал — в ответ лишь злость.
И улыбался палачу.
...За всё, что занимать пришлось,
наверно, жизнью заплачу.

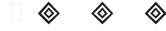


Ты забыла меня, ты забыла
в той далёкой весёлой весне.
Ты будить меня ночью любила,
а теперь только снишься во сне.

Каждый взгляд наполнялся восторгом,
излучая живое тепло...
Что же я замерзаю, отторгнут?
Всё тепло на восторги ушло?

Добрым словом спасала от стужи,
пожеланьем хранила от бед.
Неожиданно как-то — не нужен!
Даже вдоха не слышу в ответ.

Привечала с безудержным пылом.
Непонятное что-то стряслось —
так любила, а тут вдруг забыла...
Как же это тебе удалось?



*Меня терзает странная беда:
с душой новорожденного и старца,
я жизнью дорожу, как никогда,
и в то же время жажду с ней расстаться.*

Чтоб не повеситься, напьюсь —
ведь я ж не Бог, не ангел божий!
Пусть недоброженное. Пусть
моё нутро шакалом гложет.

Я постараюсь — потерплю
и гадкий вкус, и запах прелый.
Фасоль в кастрюле — улю-лю! —
коростой к днищу пригорела.

Крута нужда. Судьба лиха.
Душой нетрезвой лихо мерим.
Но с кислым — дальше от греха.
Хотя, я в этом не уверен.

Вином проблемы не постичь.
Пишу печальнейшие стансы.
Сухарь, как сталинский кирпич
неразгрызаемый, остался.

Я не уверен даже в том,
что это логово под крышей,
так не похожее на дом,
добавит мне желанья выжить.

Я не уверен в божьем дне.
Но в том, что я дождусь, уверен,
как та, что помнит обо мне,
придёт и тихо стукнет в двери.

Придёт — упрёком от судьбы —
и надо мной, таким, поплачет.
И пожалеет. ...Может быть...
...А как же может быть иначе?



Опавшую листву листая,
приходит осень золотая.
Волшебные ковры разбросит,
но, как я тут, она не спросит.
А мне так больно, мне так трудно.
По небу дым золоторунный —
всё смотришь, не мелькнёт ли стая, —
всех разогнала золотая.
И сердце жмётся одиноко.
Проходят люди мимо окон,
заглядывает солнце косо.
И нет ответа на вопросы,
и на призывы нет ответа.
Лишь золото шуршит по свету.
Короче день. И вечер мрачен.
Не посылает Бог удачи.
А тополя горят, как свечи.
Не нежность, а тоска на плечи.
Душа листает дни и даты,
листом опавшие когда-то.
Когда-то женщина спасала,
прозрачные слова вязала.
А нынче грустная картина —
лишь осень вяжет паутину.



В поисках гармонии ты рушишь
всё, что мать с отцом тебе отдали, —
сколько сил ты выплеснул наружу,
приближая призрачные дали!

Ты страдал, но, чтобы прокормиться,
ты меча не вынимал из ножен.
Пусть твой путь потомкам только снится —
пусть во сне поймут, что он возможен.

Пусть он труден был и был печален.
Был ты одинок и днём, и ночью.
Но и перед божьими очами
от грехов не опускались очи.

Даже если соберётся вече
и тебя за боль твою осудит,
не ожесточайся, человече!
Сами мы не выбираем судеб.

Чтоб всё кипело, а ты пела!

Чего от женщины хочу?
Какой награды?
(Чего ещё тебе, хрычу,
от бабы надо?!..)
Ночами радует тебя
она умело —
чего ж ты ждёшь, как бык трубя,
чтоб «поумнела»,
чтоб «научилась понимать»,
чтоб всё «могла бы»?
Да женщина — когда и мать —
всё та же баба!
А ты, как левый глаз зальёшь
(да лишку тяпнул), —
уже не так поклала нож,
тем паче, тряпку.
Рычишь, ночную тишь трясешь,
рокочешь сталью, —
как будто бы под твой гундёж
моложе станет!
Слепят они, дружок, слепят
хмельные звёзды...
Да посмотрел бы на себя,
дурак безмозглый!
Ей эта ссора по плечу —
у, кобра злая!..
... Чего от женщины хочу?
И сам не знаю.

Из цикла «Люблю Отчизну я...»



Пищевые горечи.
Вкусовые радости.
Где уж нам — по совести?
Где уж там — до старости?

О судьбе — без горести.
О любви — без робости.
О стране — без гордости.
А душа — над пропастью.

Страдания настоящего мужчины

Подражание

Я тут огороды тяпаю
распоследнею растяпою —
руки отвисают лапами!
На столе ж записка мне:
мол, «берут специалисткою,
в силу знания английского,
в фирму франко-италийскую
на шесть месяцев. Адье!..»

И она, макака толстая,
телеграмму шлет из Ольстера,
что там всё (и даже простыни!)
«очень лучше, чем у нас...»
Ну профура! Ну не дура ли?!
Да кому с твоей фигурой
и звериной натурой
хоть на что-нибудь сдалась?

Гамадрила гладкокожая,
погоди — начищу рожу я,
будешь ты сплошное крошево —
я те дам «в последний раз...»

Раскокосовую гниlostью
ты с хвостом на ветке снилась мне —
я ж твоей и божьей милостью
тут последний педераст!

Ну, банановая стерва,
как вернешься, будь уверена —
я тебя верну на дерево —
там и простынь, и кровать,
и английские консервы!
Будешь ты в соседнем скверике
лишь обглоданные веники
вместо фунтов огребать...

Ну и по такому случаю
как затосковал с полочки я!
На толчок отнес всё лучшее.
Аж не веришь, что живёшь: —
так «косил» все эти месяцы —
без белков, одни лишь специи! —
аж душа сквозь рёбра светится,
сексуальная ты вошь!

Тут как раз она приехала.
Сразу куртку мне из меха: — На!..
Только думаю со смехом я:
— Всё равно намну бока...
А она (и вправду стерва!) —
патефон японский «stereo»,
статуэтку мне из дерева
и бутылку коньяка.

И опять на мне приличное,
по субботам пью «Столичную»,
всем твержу про счастье личное —
я ж отходчивый такой!
И опять промеж заботами
глажу до седьмого пота я
место то, чем заработала,
всепрощающей рукой.

Всеядные переменны

Как резво развернулся век!
Но совести так мало толку:
как сбережешься, человек? —
бараном не быть, не быть волком.

О чём звучал нам Божий глас,
зачем Он перст так строго поднял,
о чём предупреждал Он нас, —
нам непонятно и сегодня.

Под Богом ходим тыщу лет
и тыщи до того молились —
всё ожидали чёрный свет,
надеялись на чью-то милость.

Мессии ждём из года в год —
мы только на мольбу и годны —
вот точно так же блеет скот
лишённый воли и голодный.

Но, к сожаленью, мир таков —
в бараньем стаде тоже скрежет:
и при отсутствии клыков
затопчут, если не порежут.

А ты опомнишься едва —
сквозь скрежет бляенье всё глуше...
И только явственной слова:
«Ты понял всё? Иду по душу!»

Грядёт жестокая зима,
на почве изморозь блистает...
Но много ль надо тем ума,
кто раньше сговорился в стаю?

Овечьи шкуры на волках.
И как же тут забыться снами,
когда под каждой шкурой страх?
Ведь волки в нас — не между нами.

Заботы

Весь погряз в звездацах и пропажах.
Весь погряз, словно муха в вине.
И беда у порога всё та же —
чтоб вот так бултыхался на дне.

По двору — словно выбила рота,
полигон для учений — не двор.
Переставить бы надо ворота
и навесить бы новый забор.

Душ поставить, сарай бы доделать...
Ни одной же путёвой доски!
И у этого бедного тела
только две, к сожаленью, руки.

Перекрыть надо крышу на кухне —
там труха не удержит и гвоздь.
Подступили заботы, подпухли.
А бумажник дырявый насквозь.

Что бумажник — и рот-то дырявый.
Как еда — так душа начеку,
если пища нежёванной прямо
пролетает в прямую кишку,

наживаешь в желудке болячку —
мало что ли потомственных бед!
И мозги от проблем — враскорячку.
Но зато говорят, что поэт.

А вот если отъедешь до срока
в беспредельную вечную ночь,
будут сравнивать чуть ли не с Блоком.
Ведь по способу смерти — точь-в-точь.

Весь погряз в бесконечных разрухах,
без просвета заботы одни.
Отыскалась бы хлеба краюха...
Да не будет в ближайшие дни.

Из цикла «Шерше ля фам»



Я не то чтоб с нею очень —
«ноги мыл и воду пил»,
но потратил много мочи.
А потом сказал: — Дебил!
Ты ж бессмертное порушишь!
Стол дели, дели кровать,
но не Бог она, чтоб душу
безоглядно отдавать..
Да не так оно-то просто ж!..
Но в итоге ж — ни шиша:
вот возьмёшь, коньки отбросишь —
спросит Бог: — А где душа?..



Как холодно и пусто в доме.
Как время медленно идёт.
А сердце в губительной истоме
как будто бы кого-то ждёт.

Кому растерзанный ты нужен,
измучен и печально тих?
Весна понавязала кружев,
а ты не замечаешь их.

А ты со смертною тоскою,
змеёй свернувшейся в груди,
один. И нет тебе покоя.
И нет просвета впереди.

На помощь небо призываешь.
Хоронишь юные мечты.
Но где она, душа живая,
которой был бы слышен ты?

И ты весь вытянулся жердью —
всё ищешь, как искали встарь,
свою возвышенную жертву
на чей бы отнести алтарь.

Лежит дорога от порога,
но и она ведёт во тьму.
А ты не можешь верить в бога,
уже не веря никому.

И вот опять бредёшь по кругу
и отвратительную Смерть
зовёшь, как нежную подругу, —
чтоб сердца слёзы утереть.



«Женщины — это дети!» —
как-то сказал мне друг.
Сколько живу на свете —
тут осенило вдруг:
мы же за них в ответе! —
хоть не прикрикнешь «цыть!»
...Может, они и дети...
Только — не мы отцы.



Вечной алчности и злобности разгул.
Тьмы времён — а мир ни лучше, ни умнее.
Презирать я человечество могу, —
над страданием смеяться не умею.



Не могу всепрощеньем упиться,
не приемлю ни грубость, ни лесть,
а особенно, если тупицы
норовят мне на голову сесть.

Из цикла «Судьба поэта»

Разговор с зеркалом

Не раскисай, спрячь слёзы, друг,
хоть кроме нас никто не видит, —
теперь так много слёз вокруг,
что мелочны твои обиды.

Устала женщина с тобой, —
живёт, уже не улыбаясь.
Так предложись любой другой —
тебя не выдержит любая!

Тебя оставили друзья?
Так ты же сам расстался с ними!
А расставался ты не зря...
Терпи — и время тяжесть снимет.

Мечты своей не позабуди!
Терпи — не выдержать иначе!
Терпи! Ты выбрал этот путь —
терпи! А то и я заплачу.

Ещё раз о звёздах

Ну если кто-то их зажигает,
так, значит, это кому-то нужно.
Но сколько их уже под ногами!
Я выхожу из себя! Наружу.

Я оболочку свою порушил —
и что? Внутри ничего не стою?!
Но как ты ночью согреешь душу
той, переставшею быть звездою?

Я выхожу из себя с друзьями,
я выхожу из себя в сортире:
днём — в суете, словно мусор в яме,
так хоть бы ночью ориентиры!

Устал и глаз мой, не слышен глас мой.
Подскочишь рано, а смотришь — поздно!
Там есть охрана? Так что напрасно
моё желанье увидеть звёзды?

И возвращаясь осенней грязью,
насквозь прочёсан прямым пробором,
одолеваю я все ненастья,
но вижу путь свой лишь по приборам.

А небо давит огромной тушей.
Ночные бденья свои итожу:
ведь если их так упорно тушат,
то это нужно кому-то тоже.

Из цикла «Такова се ля ви...»



Пропало время — как украдось
из биоритма моего:
друг не пришёл. Наверно, радость
сегодня в жизни у него.

Он нёс ко мне свои обиды,
печали нёс и беды нёс,
он приходил ко мне побитым,
голодным, как бездомный пёс.

И я делил его заботы,
всё, что бы он ни приносил,
не просто так — ведь мозг работал
порою из последних сил.

Сказал: приду. Но — как укралось!
А может, зря душа болит?
Вдруг у него и вправду радость?..
А радость незачем делить.

Из цикла «Визитная карточка»



Да не покинь меня, надежда,
пока гляжу на белый свет!
И в час последний, неизбежный
на зов души моей ответь.

Да не покинь меня, стремленье
украсить счастьем эти дни!
Но не согни коленей ленью,
и страхом тоже не согни.

Да не покинь меня, желанье,
желанье жить и жизнь любить!
И послужи мне оправданьем,
но только совесть не губи.

Пока я не подвержен тленью,
пока ещё не встретил смерть, —
да не покинь меня, терпенье,
на этот белый свет смотреть!

Дорогой читатель!

Вы перевернули последний лист сборника Владимира Клепикова. Стихи прочитаны, но точку поставить невозможно — мы продолжаем дышать его Словом, Чувствами, Мыслями. В сборнике — весь его талант, всё его сердце, мятежная душа, боль и радость, отчаяние и надежда. Он считал, что поэт выражает словами мысли и чувства многих людей, но делает это так, как не может никто. И всем своим творчеством он доказывает нам это. Силой поэтических строк он призывает к Любви и Созиданию — к тому, чего так не хватает людям во все времена. Наверное, поэтому его песни хочется слушать и петь, а стихи читать и перечитывать. Его слова, сплетённые своеобразным, неповторимым, поэтическим узором, затрагивают сокровенные глубины человеческой души и поднимают волны благородных чувств, заставляя задуматься над истинными жизненными ценностями, стать чище и мудрее.

Если творчество Владимира Клепикова нашло отклик в Вашем сердце, и сборник не будет служить дополнением к интерьеру, покрываясь пылью на книжной полке, значит, автор не зря прожил жизнь.

«Человека делает истинно великим величие внутренних движений, а не волевая направленность на подчинение внешних обстоятельств», — говорил Владимир Клепиков. Таким он и был — честным, благородным, мужественным художником Слова, человеком с большим и щедрым сердцем, — таким он и останется в памяти современников, таким будет жить для новых поколений.

Содержание

ВОСПОМИНАНИЯ ДРУЗЕЙ

Роман Ищук	5
Валентина Дзюба	9
Алексей Сапрыкин	13
Андрей Соснов	15
Юлия Селезнёва	17
Людмила Ефросинина	18

СТИХОТВОРЕНИЯ

Как пишутся стихи	21
«Прилетела скворушка...»	22
На смерть поэта	23
«Кошунственной рукою...»	24
«Я Вас дождусь и песней опою...»	24
«Я верю только вдохновенью...»	25
«Изнемогаю, излагаю...»	25
«Кровь лозы виноградной...»	25
«Сон убегает прочь...»	26
«Прилетела — какая-то шалая...»	26
«Я, наверно, тебя утомляю?...»	27
«Придуманная, светлая моя...»	27
«Прошедший год стучится в дверь ко мне...»	28
«Как далеко я улетал...»	29
«Твои глаза сверкали днём...»	30
«Февраль. По огороду шёл котяра...»	30
«Да — бывает в душе и в квартире...»	31
«Волна накрыла пацана...»	32
Ах, милая	33
«Я давно уехал...»	33
«Благодарю за интервью...»	34
Афродите	35
Почти по Пушкину	36
«Когда простуженные ветры...»	37
Его кассета	37

«Самый грустный поэт России...»	38
«Не берёт меня, Нина Ивановна...»	39
«Эх, Россия, Россия весенняя!..»	40
Шахтёрская минута	41
«Журавли улетают куда-то на юг...»	42
Друг мой Колька	43
«Пролетала горлинка...»	46
Демисезонное	46
«Чем молния ярче...»	47
«Мне нет пути...»	47
Памяти Лермонтова	48
«Чистый лист...»	50
«Стеки, слеза хрустальная...»	50
Визитная карточка	51
Слово	52
«Могуч и всеобъемлющ Пушкин...»	52
Последняя любовница	53
Женщине	53
«Душа должна перетерпеть...»	54
Памяти Владимира Высоцкого	54
«Доблестать до конца, до предела...»	55
Мерзлота	56
Роковые поиски	57
Дочери	58
Соловецкий монастырь	59
«Ох, не скоро, наверно...»	60
«Не суди меня слишком строго...»	60
«Туман... Туман...»	61
«Смешно — пока ещё смеётся...»	62
«По снегу с грязью пополам...»	62
Последний звонок	63
Король вокзала	64
«Никто тогда не подсказал...»	64
Опять дождь	65
«Что ж такое?.. Усталость...»	66
«Творец мерцает над толпой...»	66
«Соловей поёт от класса птиц...»	67
«Вечер крался котёнком...»	67

«В поле — гады, в море — черти...»	68
«С цикличностью, достойной Вечности...»	68
Помин	69
Ищите женщину	70
Паломник	71
«Как просто женщине — обидеть...»	71
«Настырно заполняет уши...»	72
«Ну вот опять блеснуло солнце...»	72
Праздничный вой	73
«Какой нектар я пил однажды!..»	73
«Ты словно смерч слезы и вопля...»	74
Друзья	74
«Опять в груди тоска и боль...»	74
«Ты скажи мне куда — я приду...»	75
«Я умру от собачьей чумки...»	75
«Бог ты мой!..»	75
«Живу как бог...»	76
Молитва («Борода — седая насквозь...»)	77
Сентябрьский этюд	78
«Я не знаю сути дела...»	79
«Никуда мне не надо идти...»	80
«Меня — хотите ль, не хотите...»	80
«Чем-то вкусным расслабиться...»	81
«Здесь каждый чем-то недоволен...»	81
«Для погибели столько создано...»	82
Сублимация по Фрейду	82
«Берегите в женщине женщину...»	82
«От мрачных дум седеет голова...»	83
«Что там заяц топорщит ухо-то...»	83
«Туга, Туга...»	84
«Всё — по-старому...»	84
«Опять меня гнёт...»	85
Ку-ку	85
«Статься поэтом — это судьба...»	86
«Верный судьбе...»	86
«Дело не в том, что стихи мои — грустные...»	87
«Что пишу я!..»	87
«Хожу как йог...»	88

Гости	88
Биостимулятор	89
«Не сотвори себе кумира...»	90
Перед поездкой на могилу	91
Сестричке Людочке Фисуненко	92
Прости	93
«В этой стране ничего невозможно...»	94
«Ангельский путь мой пройден...»	94
«Снова влип: только пишешь да куришь...»	95
«Какая ночь! Таких раскатов...»	96
Роковая дата	97
Новогодняя элегия	98
«Что такое? Я больше не плачу...»	98
«Не выходит гордиться веком...»	99
Засуха	100
«Не отводи глаза!..»	100
«Я стронул шар...»	101
«Я распахну глаза...»	102
«Что мне делать с тобой...»	102
«Плетёт узор из вязких дней...»	103
Что такое «хорошо» и что такое «плохо»	104
Я придумал тебя.....	104
Он мне сказал	105
«Август. День и ночь полощет дождь...»	106
«В холодном доме...»	107
Поэту	108
«Раненый зверь...»	108
«Мечтал — полегчает...»	108
Распорядок дня	109
«День был сер...»	110
«Не нужно праздничной истомы...»	111
Новогодний плач	111
«С генетикой бороться трудно...»	112
«Да я б как конь ушами прыдал...»	113
«Что не сложилось...»	114
«О чём же, друг ты мой, молчишь?...»	115
Не гони, ямщик!	115
«Опять шагами землю мерешь...»	116

«Свети своим неярким светом...»	117
Записка из мёрзлого дома	118
«Опять иду я опечален...»	119
«Хотелось бы как можно лучше...»	120
«А как я рвался и метался...»	120
«Не живу я как будто вроде...»	121
«Часы мои стоят неделю...»	121
«Ощущения не лживы...»	121
«И полдня не минуло...»	122
«Друг мой печальный...»	123
Дом	123
«Постпраздничная пустота...»	124
«Я б позвонил тебе...»	125
«Как горький вздох...»	125
Женский день	126
Эх!	126
«Что я в генах вынес из эпох...»	127
«Вы сегодня сдержанны...»	127
Баллада о несостоявшейся встрече	128
«Не грешил я особенно водкой...»	129
Муза	130
Весенние перебои	132
Метеозависимость	132
Женская просьба	134
«Иногда бы — мясо...»	135
«Дождь немолчный...»	135
«Ветер вывернул тополь с корнями...»	136
«Ты облаком по небу...»	137
Моя далёкая беда	137
«Сладку водочку попил...»	138
Рождение слова	139
«Как мне с тобой быть?...»	140
«Как без тебя быть...»	141
«Когда я очень рад — не верьте...»	142
Тьма египетская	142
«В беде своей как в море плещешься...»	143
«Я уезжаю в одиночество...»	143
«Воскнязили меня!..»	144

«Мне каждый день не по себе...»	145
«Люблю. Но без летального исхода...»	145
«Мне немного бы!..»	146
«Жизнь гоняет людей по планете...»	146
«Всё лето смертная жара...»	146
«В любой семье...»	147
«Душа гармонию искала...»	147
Церковь	148
«Оценил и вкус и привкус...»	148
Обстановочка	148
Свободный дух	149
«Остановились все дела...»	150
«Вспомнишь прошлое...»	151
«Из ничего сооруди...»	152
Любовь	152
Среди долины ровныя	153
«Не по себе мне одному...»	154
Мусорник	154
Печально чайка нам кричала	155
«Я вышел из праха и духа...»	156
Утро	157
Свидание	158
Молитва («Как снятый с креста лежу...»)	158
«Я слышал этот голос...»	159
«Пожелай, моя родная...»	160
«Скорблю и стражду о тебе...»	161
«День разразился тихим плачем...»	162
«От животных слышали вы смех?...»	163
«Трещат по швам...»	163
«Пространство всё заполнено дождём...»	164
Прощание	165
«Жили люди и гибли от бури...»	166
Пустыня людская	167
«Если ляжешь спать полуголодным...»	167
«Птицы — это солнце и звёзды...»	168
«Что случилось — душа не стремится...»	168
Святая Вечера	169
Друг по несчастью	170

«Душа напрасно стоны цедит...»	171
«И атмосфера поредела...»	172
«Как зверь по засухе в овраге...»	172
«Пока он грянет, свет небесный...»	173
«Как будто наложили вето...»	174
«Весна на дворе. Распускаются почки...»	174
Письмо другу	175
«Скворцы без умолку трещали...»	177
Ну, Змей-Горыныч!	178
«Как начал хорошо «Титаник»	179
Классные причитания	179
Мрачный день	180
«Что мерить ширину души...»	181
«Стоял в родном лесу опёнок...»	181
«Как глянешь на грибы...»	182
«Давно растаяли снега...»	182
«Опять ослаб — себе не нравлюсь...»	183
«Есть в судьбах predeterminedность...»	184
«Амуры разметали стрелы...»	185
«От рта остались очертанья...»	186
«Всё, что чрезмерно — не от Бога...»	186
«Душа мне дыр понавертела...»	188
«Я был недавно окрылённый...»	190
«В минуты тяготы душевной...»	192
«Во мне истерзан каждый атом...»	193
«Я жил в гармонии с природой...»	194
Решишь судить — прошу учесть...	194
«Когда у Понтия Пилата...»	195
«Я думал о тебе...»	196
Колыбельная	196
Золото осени	197
Утро в конюшне	198
Мечта	198
«Святая Русь...»	199
«На этом кладбище надежд...»	199
«На клумбе или в чистом поле...»	200
«Пора платить по векселям...»	200
«Ты забыла меня...»	201

«Чтоб не повеситься, напьюсь...»	202
«Опавшую листву листая...»	203
«В поисках гармонии...»	203
Чтоб всё кипело, а ты пела!	204
«Пищевые горечи...»	205
Страдания настоящего мужчины	205
Всеядные перемены	207
Заботы	208
«Я не то чтоб с нею очень...»	209
«Как холодно и пусто в доме...»	209
«Женщины — это дети!..»	210
«Вечной алчности и злобности разгул...»	210
«Не могу всепрощеньем упиться...»	210
Разговор с зеркалом	211
Ещё раз о звёздах	211
«Пропало время — как укралось...»	212
«Да не покинь меня, надежда...»	213

Для заметок

Літературно-художнє видання

Серія: «Творчі Студії Донбасу»

**Клепиков Володимир
Михайлович**

ВИБРАНЕ

(російською мовою)

<i>Відповідальний за випуск</i>	<i>Р.О. Іщук</i>
<i>Головний редактор</i>	<i>А.Б. Воронов</i>
<i>Літературний редактор</i>	<i>Р.О. Іщук</i>
<i>Художній редактор</i>	<i>С.В. Альошин</i>
<i>Художник обкладинки</i>	<i>О.І. Саприкин</i>

Підписано до друку 10.04.2010 г. Формат 84x108 ¹/₃₂
Гарнітура - Antigua. Друк лазерний. Ум. друк. арк. 14,25.
Зам. № 18/04. Наклад 500 прим.

Видавництво ТОВ «Точка опори»
Свідоцтво КВ № 6444 от 20 августа 2002 г.
83087, Україна, м. Донецьк, пр. Матросова, буд. 25

Віддруковано у друкарні «Норд Комп'ютер»
83003, Україна, м. Донецьк, вул. Разенкова, 6.

*Я верю только вдохновенью,
я верю - только лишь оно
судьбе дарует провиденье,
как тьме дарует свет окно.*

*Пусть годы пристально проверят:
клянусь, что до последних дней
я верю, верен, буду верить
ему и совести своей.*

В
Л
А
Д
И
М
И
Р

К
Л
Е
П
И
К
О
В

В
Л
А
Д
И
М
И
Р

К
Л
Е
П
И
К
О
В



Избранное